

дамский детектив

РЫЖАЯ –
БЕССТЫЖАЯ

Дамский детектив (ЭКСМО)

Галина Романова
Рыжая-бесстыжая

«ЭКСМО»

2002

Романова Г. В.

Рыжая-бесстыжая / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2002 — (Дамский детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-699-22918-5

Вернувшись домой, Настя Одинцова обнаруживает в кресле труп местного криминального авторитета Ивана Мельника... А всего полчаса назад они вместе ужинали в ресторане. Что же теперь делать? Конечно, постараться побыстрее избавиться от трупа. Так она и поступила. Но это не спасло Настю от проблем. Девушку начали преследовать бандиты, ее разыскивала милиция, ведь она, по словам очевидцев, последняя, кто видел Мельника перед исчезновением. Мало того, к Насте в женихи стали навязываться подозрительные личности и наведываться призраки. Пропала бы девушка, если бы не ее смекалка да потрясающий сосед!.. Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-22918-5

© Романова Г. В., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Галина Романова

Рыжая-бесстыжая

Глава 1

Молодой красивый мужчина, вальяжно расположившийся в ее кресле, смотрел куда-то мимо нее невидящим взглядом.

– Эй, что вы здесь делаете?! – Настена осторожно двинулась к креслу, на котором сидел ее незваный гость. – Эй, отзовитесь!

Все тот же отстраненный взгляд. Полное отсутствие реакции и какой бы то ни было двигательной функции.

«Спит, что ли?!» – мелькнуло спасительное в ее голове, и девушка осторожно тронула мужчину за плечо.

Тот не шелохнулся, продолжая упорно сверлить глазами стену ее малюсенькой гостиной. Настя испуганно оглянулась и проследила за его взглядом. Да нет. Ничего заслуживающего внимания там не обнаруживается. Все те же стены в разводах, оставшихся после пожарных, орудовавших месяц назад пожарной кишкой на девятом этаже. Та же дешевая копия шишкинских медведей и чахлая традесканция, оставленная ей в наследство «заботливыми» родственниками. Что, скажите на милость, можно здесь с таким интересом разглядывать?

– Послушайте! – Она воинственно подбоченилась. – Мы уже все с вами успели решить по вопросу купли-продажи. Все по пунктам! Чего еще нужно?! Я даже могу вернуть вам те деньги, что вы мне выплатили... Что касается остального, то тут мои позиции непоколебимы. Так что, будьте любезны, удалитесь с моей жилплощади!!!

Последние слова она произнесла с особенным смаком. Да, теперь это ее жилплощадь. Ценой невероятной борьбы и нечеловеческих усилий ей удалось выцарапать эту хрущобу у ненасытных...

А, да ладно! Черт с ними со всеми! Дело первостатейной важности сейчас – избавиться от наглого, нахрапистого бизнесмена, возжелавшего обзавестись ее разваливающейся на ходу «девяткой»! Сидит себе «тело», понимаешь, в ее кресле и не собирается снизойти до объяснений...

Тело!!!

Как же она сразу-то...

Настя, согнувшись едва ли не пополам от внезапного страха, подстегнувшего ее под коленки, вытаращилась на мужчину. Точно – тело! Это уже не человек! Не может человек не моргать в течение десяти минут. А ведь именно столько она пытается вести с ним переговоры. Протянув к нему вибрирующую от ужасного предположения руку, она дотронулась до бледной щеки молодого мужчины, и тут же ее горло исторгло душераздирающий крик.

Почувствовав кончиками пальцев холод начинающего окоченевать тела, Настена лишилась последних надежд и сомнений – мужчина был окончательно и бесповоротно мертв...

Глава 2

Все люди, по мнению Насти Одинцовой, подразделялись на два класса: на везучих и невезучих. Те, в свою очередь, на две подгруппы: везучие – на очень везучих и так себе, а невезучие соответственно – на не совсем невезучих и преследуемых неприятностями с фатальной неизбежностью.

К последним она относила и себя. Только ее преследовали не неприятности, а люди, которые этими самыми неприятностями одаривали ее с щедростью Санта-Клауса. Причем не только в предрождественские и предновогодние дни и ночи, а круглогодично, в любое время суток, с периодичностью, скажем, в два-три месяца.

У нормальных людей ведь как бывает: бежал человек по улице, столкнулся с кем-то на бегу, извинился и побежал себе дальше. Метра эдак через три забыл об инциденте, даже если пострадавший от его неосторожных телодвижений и обматерил его со всей страстностью и виртуозностью русского человека. С каждым из нас ведь так бывает, не правда ли? Но только не с ней. Если подобное произошло с Настей, то уж точно жди продолжения. Либо отлетевший в сторону от ее удара плечом окажется затем ее непосредственным начальником, либо соседом, либо... родственником. Ну а как, по-вашему, можно строить отношения, если они начались таким вот, мягко говоря, нетрадиционным образом? Как можно приветливо улыбнуться новоиспеченному руководителю, если из всей толпы примчавшихся с поздравлениями сослуживцев он мгновенно выхватит взглядом именно ее лицо. Внимательно оглядит, узнавая, и насупленно нахмурится, вспомнив, как пару часов назад почти в дверях универсама на его не очень лестное замечание по поводу ее манер эта милая девушка в ответ рыкнула: «Сам такой»... Тут уж хоть рот разорви в улыбке, приговор тебе заведомо подписан. И ходить тебе в вечных исполнителях и быть первой кандидаткой на сокращение...

С соседями, конечно, попроще. Пусть себе дуются. Пусть на ее приветливое «здрасьте» норовисто подергивают ноздрями. Ей-то что? Ей с ними не есть из одной тарелки. Подумаешь, обиделись, что она нечаянно коленом десяток яиц им раздавила! Так в автобусе такая давка была, что впору о душе начинать думать, а они о каких-то яйцах пекутся. Были, конечно же, и в этом случае свои неприятные моменты. Скажем, полезут к ней в квартиру воры (хотя, по ее мнению, лезть к ней им было совершенно неразумно) или загорится от неисправной электропроводки квартира, можно было быть уверенной на сто процентов – соседи вмешаться не станут. Осторожненько высмотрят в замочную скважину, что и сколько вынесено, лапками посучат от радостного предвкушения ее горя и промолчат. Что касается пожара, то, должно быть, дождутся, пока хорошенько разгорится, и лишь затем вызовут пожарных.

Ни первого, ни второго с ней пока не случалось. Тьфу-тьфу! Ну оказалась в этом смысле к ней милостива судьба-злодейка, что же тут попишешь. Однако Настена была убеждена в том, что помощи ей ждать неоткуда...

Совсем плохо обстояло дело с родственниками. Эта третья категория случайно обиженных зло помнила долго, часто ее этим попрекала и присовокупляла ненароком допущенную ею, Настей, оплошность ко всем последующим обвинениям по любому поводу.

С Маргаритой Николаевной, своей будущей свекровью, Настя «познакомилась», покупая билет в кассе автовокзала...

В тот день ей несказанно повезло: в их пригородной школе объявили карантин, и всех, включая учителей, учащихся и обслуживающий персонал, администрация решила отправить по домам. Ворвавшись с радостным визгом в свою каморку в общежитии и перепугав едва ли не до полусмерти соседку по комнате Ниночку Калачеву, Настя покидала немудреные вещички в дорожную сумку и объявила:

– Все! Каникулы! На целых три дня раньше!

Ниночка работала в этом поселке главным ветеринаром, семьи не имела, посему к делам учительским относилась со снисходительным непониманием. Подумаешь, дети! То ли дело лечить заболевших животных. Они – твари бессловесные, сказать ничего не могут, только смотрят на тебя потерянными глазами и взывают о помощи...

– Что такое? – спросила она, меланхолично помешивая ложкой неопределенного вида напиток. – Опять Законодательное собрание поощряет этих сорванцов?

– Нет, карантин, – машинально ответствовала Настя, пристально разглядывая залоснившиеся рукава малинового джемпера. – Как думаешь, пора ему на помойку или еще послужит?

– Из твоих шмоток все можно смело туда отнести, – совсем недипломатично отозвалась Ниночка и звучно отхлебнула из стакана. – Как ты ухитришься покупать такую дрянь, ума не приложу...

Критику Настена пропустила мимо ушей, но джемпер все же отложила в сторону. На улице не так холодно, невзирая на начало ноября. Вполне можно обойтись и водолазкой, надев сверху куртку. Джинсы, которые она страстно любила как вид одежды и которые ей в силу ее профессиональной деятельности носить постоянно было не вполне удобно, дополнили нехитрый гардероб. Она взяла в руки стоптанные башмаки и скорбно вздохнула:

– Как думаешь, не стоит ехать в город в такой обуви, а, Нинк?

– Ох, господи! – Та молча пожевала губами и повзмахивала бровями, что на языке жестов означало высшую степень недоумения по поводу несурзанности соседки. Затем слезла со стула и прошествовала к своему шкафу. – На вот, никчемность ты моя. К дню рождения тебе приберегла, да разве с тобой утерпишь...

В руках у Нинки сверкала глянец черной натуральной кожи и завораживала изысканностью модели пара демисезонных ботинок на высоком каблукке. Настя боялась шевельнуться. Ей, почти всю свою жизнь проходившей в недорогих добротных вещах из серии «на что хватило денег», такое могло лишь присниться.

– Нина, зачем ты? – слабо попробовала она воспротивиться, но ее глаза хищно уставились на вожаемую обувь, отмечая и необыкновенно изящный изгиб колодки, и пару пуговиц сбоку, добавляющих ботиночкам некоторую пикантность. – Неудобно как-то...

– Сказала бы я тебе, что неудобно, да долго перечислять... – довольная произведенным эффектом заухмылялась Нинка. – Бери, бери. Да скинь портки-то свои засаленные. Надень юбку мою черную короткую. Горе с тобой, право...

Она вновь нырнула в недра огромного шкафа, и через минуту в Настю полетела черная мини-юбка, совсем неплохо сработанная польскими умельцами, запакованная пара колготок «Омса-велюр» и в довершение – элегантный бежевый свитерочек с высокой горловиной.

– Оденься хотя бы раз в жизни по-человечески, – отдуваясь, произнесла Нинка, вновь усаживаясь на свое место за столом и отхлебывая темно-коричневую бурду. – Хорошо хоть мы с тобой фигурами одинаковые...

Настя могла поклясться, что зависть незавуалированно просочилась в Нинкиных последних словах.

Они и в самом деле были одинакового роста – метр шестьдесят восемь. И объем талии и бедер был абсолютно идентичен. Но вот там, где у Нинки угловатилось и отвисало, у Насти все было округло-аппетитным. Не акцентируя внимания на своей внешности, она частенько ловила на себе завистливые взгляды подруги, когда они вместе посещали местную баню. Вот и сейчас, проявив временное великодушие, Нинка не удержалась, чтобы не добавить ложку дегтя.

– Хороша! – полувосхищенно-полунасмешливо выдохнула она, наблюдая за тем, как Настя застегивает на ногах сапожки. – Не жмут?

– Нет, что ты, спасибо! Прямо и не знаю, как тебя благодарить! – залопотала девушка, не веря неожиданно свалившемуся на нее благоденствию подруги.

– Да ладно тебе. – Нинка беспечно махнула рукой. – Это мне Иван Семенович за лечение больного поросенка презентовал. А они мне малы. Не выбрасывать же. Да и назад не вернешь – обидится. Тут вспомнила о твоём дне рождения, решила подарить. Как видишь, особой благодарности не стоит...

О том, что она клятвенно заверила Ивана Семеновича посодействовать в переговорах о репетиторстве для его сына-оболтуса, Нина промолчала. Ещё будет время взыскать положенное с Настюхи за оказанное благодеяние. Пусть пока радуется...

А Настя откровенно радовалась. Вертясь так и сяк перед зеркалом, она совершенно не узнавала себя. Куда подевалась незаметная училка литературы и русского с вечным хвостом на затылке и в мешковатой одежде? Неужели она обладает этой парой стройных красивых ног? Высокая горловина свитерка превосходно гармонирует с кожей цвета топленого молока. И даже не бог весть какая курточка не портит общей картины...

– Так я пошла? – неуверенно двинулась Настя к двери.

– Иди, иди, а то с твоими пересадками... Смотри не опоздай к тетке на пироги...

К тетке, своей единственной родственнице по материнской линии, Настя выбиралась нечасто. Три пересадки с вечными очередями в билетных кассах свели их общение к минимуму. Но этот день выдался просто-таки волшебным. Нигде никаких заторов. Полное отсутствие хвостов у малюсеньких окошек. У Насти даже начало закрадываться серьёзное подозрение, что ей наконец-то начинает везти в этой жизни. Но тут явилась ОНА, и подозрение мгновенно исчезло, не успев преобразоваться в твердую уверенность.

Маргарита Николаевна оказалась единственным транзитным пассажиром на маленькой пересадочной станции, куда вихрем ворвалась Настя. До отправления очередного автобуса, который должен был доставить ее в конечный пункт путешествия, оставались считанные минуты. Порадовавшись в который раз полному отсутствию очередей, она подлетела к кассе и, сунув в окошко деньги, скороговоркой пробормотала:

– Один, до конечной...

Кассирша с любезностью цербера выхватила у нее купюру и принялась записывать что-то в путевом листе.

– Послушайте-ка, милочка, – раздался вдруг скрипучий голос за ее спиной. – Ваша очередь за мной!

Недоуменно оглянувшись, Настя захлопала ресницами, обнаружив позади себя воинственно настроенную даму средних лет. В трикотажном костюме цвета прелых листьев, с риди-кюлем, купленным в шестидесятых и героически пронесенным через всю ее зрелую жизнь, женщина неприязненно оглядывала девушку с головы до пят. Ее собственная голова, увенчанная шиньоном из каштановых волос, слегка подрагивала, надо думать, от негодования. Тонкие губы в ярко-вишневой помаде скорбно поджались. А необъятная грудь тяжело вздымалась.

– Вы мне? – Настя приветливо улыбнулась. – Извините, я вас не заметила...

– Ещё бы!!! – возмущенно фыркнула дама. – Я пока вещи ставила на скамейку, ты тут как тут!

– Ничего страшного, – попыталась урезонить ее девушка. – Билет я уже купила, так что – подходите, пожалуйста. Проблемы нет...

Она скомкала протянутый ей кассиршей билет и поспешила к выходу. Будучи по натуре миролюбивой, Настя совершенно не хотела ввязываться в скандал, которого явно жаждала эта дама.

Зайдя в автобус, Настя вновь подивилась полному отсутствию пассажиров, заняла место у окна позади водителя и принялась рассматривать станционную площадь.

Маленькая территория с чахлыми кустиками была заплевана и засорена отъезжавшими и прибывающими пассажирами до помоечного состояния. Растительность в виде жухлой, поби-

той первыми морозами травы сиротливо жалась к кустарнику, словно ища защиты от человеческого вандализма.

Девушка тяжело вздохнула. Возглавляя в институте движение «Гринпис», она с горечью наблюдала, как люди занимаются самоуничтожением на планете. Эту бы площадку да заасфальтировать. Поставить урны по периметру. Окопать кустарник...

– Ну-ка, милочка, подвинься-ка!!! – вторглось властное восклицание в плавное течение ее благородных мыслей. – Ишь, расселась!!!

Пока она предавалась несбыточным мечтаниям, автобус, очевидно, был оккупирован пассажирами. Но, оторопело заозиравшись, Настя обнаружила все те же пустующие пыльные дерматиновые сиденья.

– Простите?! – начало поднимать в ней голову попранное чувство справедливости. – Что вам от меня надо?!

– Ах ты, шалава!!! – взвизгнула пожилая мымра. – Мне от тебя надо?! Да на какой черт ты мне сдалась?!

Вот как раз в этот самый момент сердце Настены тревожно заколотилось. То ли лихорадочный блеск глаз ополоумевшей от возрастного маразма бабы привлек ее внимание, то ли судорожно вцепившиеся в баулы пальцы дамы натолкнули ее на эту мысль, может быть, просто кто-то свыше шлепнул ее перстом по темечку, но у нее в душе проклюнулась твердая уверенность, что встреча с этой перезревшей стервозиной имеет для нее судьбоносное значение.

Настя мгновенно внутренне сжалась в комочек. Отодвинулась к самому окну и затихла. Желание раскрыть глаза соседке на то, что в автобусе полно свободных мест, пропало у нее, едва зародившись. Пусть себе сидит, раз ей так хочется. Вдруг она заведующая районо или, что еще хуже, новая директриса их малюсенькой школы. Предыдущая вышла замуж и уехала с молодым супругом в неизвестном направлении. И люди сведущие шепнули, что на смену молодой и приветливой ждут какую-то пенсионерку с жутким характером. Что касается характера, то Настя не питала никаких иллюзий в отношении дамы с шиньоном. Было видно, что эта женщина знает толк в хорошей доброй ссоре...

– Куда едешь? – неожиданно толкнула ее в бок скандалистка.

– К тетке, – пискнула Настя, едва не охнув от ощутимого удара.

– Откуда? – не унималась дама и, достав из баула пакет с домашними котлетами, принялась их наворачивать.

– Из дома...

– А мать дома осталась?

– Матери нет, – пояснила Настя и слотнула слюну. Аппетитный запах специй и чеснока поплыл по салону. – Никого нет, кроме тетки. Она старенькая уже. Еле ходит. Болеет все...

Дама вдруг перестала жевать и, резко крутанувшись на сиденье, уставилась во все глаза на девушку. Смотрела она на нее минуты три-четыре, и за это короткое время взгляд ее претерпел разительную метаморфозу. Из маленьких глубоко посаженных глазок исчезла вдруг всякая неприязнь, и оттуда на Настю полились флюиды благосклонности.

– Котлетку хочешь? – разулыбалась дама, протягивая ей промасленный пакет. – Домашние. Андрейка нажарил. Меня Маргарита Николаевна зовут, а тебя?

– Настя, – потупила девушка глаза, взяв протянутую котлету.

– Работаешь?

– Да. Учителем.

– Да?! – Изумленная дама дважды икнула и, забыв извиниться, продолжила допрос: – Где живешь?.. Сколько получаешь?.. Какая квартира у тетки?..

Вопросы просто градом посыпались на бедную Настену. Уйти от ответов не представлялось возможным. Перво-наперво потому, что в очередной раз скандалить с мегерой, отказавшись отвечать, было смерти подобно, к тому же вторая котлета, появившаяся в руке девушки,

как-никак обязывала продолжать разговор. Во-вторых, Настя, заведомо зная судьбоносное значение подобных столкновений с человеческими индивидуумами, уже была готова к дальнейшему продлению знакомства с этой женщиной. Она еще не могла предположить, во что выльется эта встреча, но в том, что выльется обязательно, была уверена на все сто процентов...

– Хорошая девочка. – Маргарита Николаевна ласково погладила ее по волосам сальной, пахнущей котлетами ладонью. – Адрес мой запомнила? Вот и умница. Если что-то не так, обязательно разыщи меня. Вернее, нас...

С легкостью тяжелоатлета женщина подхватила с земли свои баулы и, высоко неся сверхобъемную грудь, двинулась к стоянке такси. Несколько минут простояв в оцепенении, Настя решительно направилась в противоположную сторону. До дома тетки было три автобусные остановки, но она все же пошла пешком. Погода благоприятствовала прогулке. Да и не прятать же столь неожиданно свалившееся на нее убранство в автобусе, среди толпы уставших и обезумевших от толчеи горожан.

Мужское внимание приятно любой женщине любой возрастной категории, а когда тебе слегка за двадцать и основной контингент твоего населенного пункта составляют незамужние учительницы, доярки и убеленные сединами старцы, то продефилировать по улицам города, чеканя шаг точеными ногами, сам бог велел.

Настена стремительно продвигалась в сторону улицы Лемешева, на ходу отмечая, с каким интересом скользят по ней взгляды представителей сильнейшей половины человечества. Кривая ее настроения, немного подпорченная навязчивой попутчицей, вновь стремительно поползла вверх. Длинные пряди волос развевались от легкого ветра. Яркий здоровый румянец окрасил тугие щечки, а глаза заискрились от радостного предвкушения. Она вошла под арку дома, ведущую во двор, и остановилась, немного переводя дыхание.

Теткин дом стоял между двумя другими домами, тесно с ним соприкасающимися и образующими букву «п». Жильцы этих трех домов беззлобно называли сей архитектурный излом «пентагоном». В центре п-образного бетонного монстра вполне мирно и беззаботно существовал весьма и весьма уютный дворик. Множество дикорастущих слив и вишен, хаотично разбитых клумб. Кое-где виднелись возделанные участки с угадывающейся даже в теперешних сумерках белокочанной капустой. Не совсем по-городскому, но зато по-домашнему.

Настя прошла через двор к центральному подъезду среднего дома. Тетка ее жила на втором этаже в огромной четырехкомнатной квартире и слыла среди жильцов дамой суровой и неразговорчивой. Но племянница-то прекрасно знала, что добрее и отзывчивее человека вряд ли можно было сыскать. А суровость и неразговорчивость всего лишь внешние атрибуты, жизненно необходимые, по мнению ее покойного мужа, подруге работника Комитета государственной безопасности. Не дай бог ей улыбнуться соседке или посидеть на лавочке у подъезда. Следовала мгновенная проповедь о кознях врагов государства, которые не дремлют и умело используют таких вот наивных дурочек в целях преступных, на благо вражеских контрразведок. Именно этот фактор и сыграл главную роль в выборе Настей места проживания. Как ни билась тетка с ней, как ни просила, Настя была неумолима и все то время, пока училась в институте, и после его окончания скиталась по общагам. Выносить ежедневные нотации кагэбиста, правда, к тому времени уже отставного, было выше ее сил.

На пятом году Настиного студенчества супруг ее тети неожиданно слег и, проболев пару месяцев, скончался. Тетка осталась одна в огромной – более ста метров – благоустроенной квартире с добротной старинной мебелью. Она было вновь обратила свой взор в сторону несговорчивой племянницы, но та к тому времени дала слово декану, что поедет работать в одну из самых малоперспективных деревень, и заставить ее свернуть с этого пути не смогли бы даже силы небесные. Вот и коротала свой век одинокая женщина, живя короткими и несчастными встречами с Настеной. Вязала красивые ажурные шали, скатерти и салфетки, коими потом забивались ее многоярусные шкафы. Сиживала долгими зимними вечерами с книжкой в обще-

стве здоровешего черного кота, прозванного Магистром. И описывала в длинных и подробных письмах к племяннице свое одинокое времяпрепровождение. Из этих писем Насте было доподлинно известно, кто и когда в «пентагоне» родился, кто женился и умер. Как назвали первенца молодожены с площадки на четвертом этаже соседнего подъезда. Каким образом удавалось пожилой женщине, практически не выходящей из дома, узнавать все эти подробности, для Насти оставалось загадкой...

В радостном предвкушении встречи, подняв глаза на окна второго этажа, она неожиданно почувствовала, как внутри у нее что-то тихонько и тревожно заняло. Час был не ранний – половина седьмого вечера. Уже достаточно успело смеркнуться для того, чтобы обитатели этих трех домов зажгли свет в своих окнах. Но вот теткинны окна отчего-то были темны. Прежде такого не бывало никогда.

Стараясь не питать услужливое воображение ужасными картинками, Настя влетела в подъезд и в два прыжка поднялась на площадку второго этажа. Но воображение притормозить не удалось. Тяжелая дубовая дверь теткиной квартиры была заперта и, что самое страшное, опечатана маленьким грязновато-лиловым клочком бумаги с расплывчатым подобием штемпеля.

– Ч-что это?! – сипло выдавила она, обращаясь к соседке по площадке, которая высунула нос из-за двери своей квартиры. – Алла Ивановна! Что это?!

Та смерила девушку неодобрительным взглядом поросячьих глазок и зачастила, срываясь на фальцет.

Из ее пространного монолога Насте с трудом удалось уловить, что ее тетка ушла из дома две недели назад и не вернулась. Никто бы и никогда не обратил внимания на отсутствие «нелюдимой гримзы», если бы не взбесившийся кот Магистр. Тот то ли от голода, то ли от переживаний за свою хозяйку начал жутко орать и кидаться на окна. Самые сердобольные вызвали милицию и представителей ЖЭКа. Дверь взломали. Кота накормили. Тетку нашли чуть позже... в трупохранилище.

Справка, вложенная в руки все тех же соседей по дому, гласила, что старушка скоропостижно скончалась от инсульта. Суровый санитар, злобно осмотрев притихших людей, безапелляционно заявил о полном отсутствии свободных мест и огромной цене на имеющиеся свободные. В результате недлительных переговоров тетю решили похоронить за счет местных органов власти как спутницу жизни одного из выдающихся работников КГБ, ныне также покойного...

– А что же мне не сообщили?! – оторопело выдавила Настя, все еще не осознавшая до конца всей тяжести случившегося. – Я же ее единственная родственница!!!

– Хороша родственница, если родную тетку раз в четыре месяца навещаешь! – фыркнула соседка и, напоследок осуждающе сверкнув глазами, хлопнула дверь.

Рано потеряв родителей – они погибли в автокатастрофе, – Настя не жила в мире иллюзий и знала, что все люди смертны. От визита к визиту она отмечала, как стареет ее тетушка. Как, украденные временем, тают ее силы. Мысленно она не раз прокручивала ситуацию ее кончины, отодвигая этот рубеж до необозримых временных далей. Ей виделась тетушка на смертном одре лет, скажем, через двадцать. Истлевшая старушка, к тому времени отметившая свое девяностопятилетие. Ее маленькая ручка в Настиной ладони и масса напутственных речей, не внять которым она не смогла бы. Но чтобы вот так... Чтобы быть подобранной на улице как последняя бродяжка...

Нет, это был слишком жестокий удар судьбы. Жестокий и несправедливый. Осознать это Настене удалось лишь на четвертые сутки. Повинуясь указаниям начальника местной жилищной конторы, она пробегала четыре дня, собирая документы и подписи по различным ведомственным организациям. Где-то к ней относились с сочувствием, где-то с равнодушием. Некоторые выказывали прямо-таки откровенную враждебность. Но она, подстегиваемая дефицитом времени, проявляла завидное упорство, снова и снова стучалась в труднодоступные чиновничьи двери.

В конце четвертого дня беготни она все же переступила порог теткиной квартиры с переписанным на ее имя ордером.

– Не оформи она вовремя документы, не видать бы вам этой хаты еще полгода, – констатировала вальсяжная блондинка в регистрационной палате. – Молодец бабусяка, все предусмотрела...

Не могла бабусяка предусмотреть лишь одного – как будет тяжело без нее Настене. Щелкнув замком входной двери, девушка прошлась по опустевшим комнатам и с невероятной болью в сердце поняла, что уехать отсюда уже не сможет. Что-то незримое тянулось к ней из всех углов, заставляя прикасаться к каждой вещи, казалось, еще хранившей тепло рук ее тетки. Это эфемерное, но все же почти осязаемое ощущение присутствия рядом родной души будило в ней доселе дремавшее чувство вины...

– Я останусь, – прошептала она, останавливаясь в теткиной спальне у портрета супругов в изголовье кровати. – Ты всегда этого хотела. Я сделаю это – я останусь...

Переезд не занял много времени. Из личных вещей у Насти был лишь великодушно подаренный комендантом студенческого общежития письменный стол, полировка с которого облезла еще в прошлом десятилетии. Пара таких же «свеженьких» стульев да скрипучая, обвисшая раскладушка, доставаемая из темного угла их с Нинкой каморки в случае приезда гостей.

Все это «добро» подруги решили снести на помойку.

– У тебя начинается новая жизнь, – поучительно вещала Нинка с неприкрытым чувством зависти. – Так что начинай ее по-человечески. И не тащи ты, бога ради, эту рухлядь с собой...

Рухлядь была благополучно погребена на свалке. Перевод из местной школы в одну из городских десятилеток осуществился без лишних заморочек. И в канун декабря Настя ступила на порог теткиной квартиры с твердым намерением жить там и постараться быть как можно счастливее. Именно этого всегда хотела для нее покойная тетушка. И именно это всегда обещала ей Настя, совершенно искренне веря в то, что сдержит это обещание и не обманет тетушкиных надежд.

Но, как показало время, в борьбе за блаженное существование под солнцем одного желания не всегда достаточно. Нужно кое-что еще. Нужно нечто такое, о чем ни в одной справочной и рекомендательной литературе не упоминается. Вот и приходится людям бродить в потемках, натываясь на острые углы судьбоносных катаклизмов и расшибая в кровь лицо в поисках этой неведомой, а возможно, и несуществующей формулы счастья. И ведь как бывает в девяти случаях из двенадцати: поймает некто удачу за хвост, обрадуется, тут же постарается вцепиться покрепче, а потом... А потом приглядится при ярком-то свете попристальнее и ошалевает от непереносимости открытия: счастье-то, оказывается, промчалось мимо, а то, что поймано, не имеет к счастью никакого отношения.

Злую шутку с Настиним желанием быть счастливой сыграла все та же фатальная закономерность «ненавязчивых» знакомств.

За три дня до Нового года, то бишь двадцать девятого декабря, Настена спешила ко второму уроку на новое место работы...

Коллектив ее принял хорошо, благо состоял он почти из одних женщин. Ревновать было совершенно не к кому, поскольку шестидесятилетний физик и трижды в отставке майор – преподаватель ОБЖ – ничьей благосклонностью и вниманием не пользовались. Дети Настену мгновенно полюбили, тут же окрестив ее именем голливудской звезды – Кидман. Коллеги, прослышав об этом, мнение их разделили.

Заявив громогласно на одной из перемен, что она в действительности копия прославленной Николь, обэжист склонил плешивую голову к ее ручке и проникновенно прошелестел, пару раз лязгнув зубным протезом:

– Сколько живу, такого поразительного сходства не видел...

Только-только она хотела вернуть что-нибудь язвительное по поводу его действительной осведомленности о внешности звездной Кидман, как он ошарашил ее заявлением:

– Даже отсутствие веснушек на вашем личике не уменьшает этого сходства. А грудь... гм-м, простите, у вас куда лучше. К тому же в отличие от ее, думаю, она натуральная...

Кто-то зааплодировал, кто-то захохотал, но тут прозвенел звонок, и все расплылось по классам. С того дня все именовали ее этой венценосной фамилией и никак иначе. Она, недоуменно таращась несколько вечеров кряду в зеркало, быстро смирилась с тем, что она – Кидман. Все же это лучше, чем ходить в Спицах или Пробирках, а уж о Спирохете и говорить нечего...

Итак, солнечным морозным утром двадцать девятого декабря, нацепив на голову ярко-алый берет (увиденный, кстати, на прославленном голливудском прообразе в одном из журналов), Настя спешила в школу. Автобусы по городу не ходили. Местные власти объясняли это исчерпавшим себя то ли годовым, то ли квартальным лимитом горючего. Насте же всерьез казалось, что такое могло произойти только в связи с намечающимся концом света, потому как прийти в голову подобное в сорокаградусный мороз могло только ярому оппоненту всевышнего.

Желая срезать часть пути, она вошла в переполненный снующими людьми универсальный магазин. Площадей тот имел немерено и вставал на пути бредущих к школе путников непреодолимой преградой из бетона и стекла. Настя же в последнее посещение сей славной торговой точки обнаружила в ее самом дальнем углу, под лестницей первого этажа, малюсенькую неприметную дверку, которая выводила прямо на противоположную сторону торгового гиганта. А там, стоит лишь миновать тридцать метров парковой аллеи, и вот она – родная средняя школа номер сорок – смотрит на тебя разрисованными гуашью окнами.

Без помех преодолев переход от парадного до черного хода, Настя почти вприпрыжку двинулась к школе, не преминув мимоходом толкнуть еле ползущего по глубокому снегу аллеи пожилого дядьку.

– Простите, – скороговоркой лопотнула она, на ходу поправляя все время сползающий беретик.

– Пойдите-ка! – грозным рыком главнокомандующего непонятно какого рода войск попытался остановить ее мужчина.

Настя на ходу обернулась и попыталась улыбнуться стянутыми от мороза губами.

– Простите, – снова пробормотала она.

– А если бы я упал сейчас?! А если бы ногу сломал в канун такого праздника?! – не унимался между тем дядька. – Вы считаете, что ваше дежурное «извините» способно изменить ситуацию?!

Сразу стало ясно, что мужик был еще тем хрычом. Спорить с такими бесполезно. Попытаться что-то доказать – тем паче. Поэтому, сочтя за лучшее уйти молча, Настя отвернулась и пошла вперед.

– Хамка!!! – не своим голосом заорал ей во след дядька. – Нахалка!!! Напускают на свет идиотов доморощенных!!!

Ну кто выдержит подобное?! Да никто! Будь он хоть трижды интеллигент! Имей он хоть в семи коленах родство с каким-нибудь великомучеником! Настя не была исключением, поэтому, взметнув бровями, повернулась к недовольному субъекту и отчеканила:

– Сам такой! – Потом подумала немного и чуть тише добавила: – Дурак...

Она убежала и почти тут же забыла о неприятном инциденте. Но ближе к концу занятий вспомнила. Весь преподавательский состав пригласили в актовый зал и представили нового заведующего учебной частью. Стоит ли удивляться тому, что им оказался именно тот самый скандальный дядька с заснеженной аллеи. Он тотчас узнал Настю, и по торжествующему блеску его мутных глаз она поняла, что хорошей жизни ей отныне не видать.

Подтверждением ее догадки стали зимние каникулы, в течение которых ей не удалось ни отдохнуть, ни выспаться как следует. Николай Васильевич, так звали нового заведующего учебной частью, обзавелся домашними телефонами и адресами всего преподавательского состава и с поразительным упорством названивал ей ежедневно ровно в половине седьмого утра в течение всех двух недель каникул.

– Доброе утро, – каркал он обычно в трубку и принимался излагать пожелания на день грядущий.

– Хорошо, хорошо... Ага, сделаю... – согласно бубнила Настя в трубку, изо всех сил борясь с желанием послать вьедливого мужика куда подальше. – Через час буду на работе...

И вот в то время, когда ее коллеги еще сладко сопели в свои подушки и досматривали последние рождественские сны, она тащилась через весь город в пустую школу, чтобы в холодном гулком фойе ожидать прибытия противного шефа. Следует отметить, что тот особенно не спешил и появлялся часам к девяти, а то и попозже. Как могла, Настя мирилась с таким положением вещей.

Но к концу весенних каникул нервы ее сдали, и она, холодея душой от предчувствия возможных последствий, выдохнула еле слышно в трубку:

– Николай Васильевич, я не приду...

– Что?!

– Я хочу спать! – Она швырнула трубку на рычаг и несколько минут стояла в полнейшем оцепенении.

Каким мог быть результат, она приблизительно догадывалась, и он не заставил себя долго ждать. Прибыв на следующий день на занятия, девушка тут же получила приглашение зайти в кабинет НикВаса (так ребятня с первых дней окрестила противного завуча, причем ударение с первого слога потихоньку сползло на второй, что придало прозвищу еще большую звуковую выразительность и привело в восторг их учительницу)...

– Пишите заявление на расчет! – С самым счастливым видом завуч пододвинул ей лист бумаги и авторучку.

– С какой стати? – совершенно спокойно поинтересовалась Настя и, не дав ему опомниться, пояснила: – Вчера было воскресенье, то бишь мой законный выходной. То, что я не вняла вашей «просьбе» и не явилась вкрутить лампочку в женском туалете первого этажа, вы не можете вменить мне в вину...

– Минуточку!!! – задохнулся от такой вопиющей наглости Николай Васильевич. – Вы не подчинились указаниям должностного лица! Я уже подготовил приказ о вашем наказании...

– Мотив?! – также повысила голос Настя. – То, что я имела несчастье столкнуться с вами на заснеженной аллее?! Или, быть может, кризис возраста?! Не у меня, разумеется...

– Во-о-он, – простонал завуч и осел в кресло. – Во-о-о-он...

Настя вышла из его кабинета, гордо подняв голову, но уже в следующий час спеси в ней поубавилось. Начальственная дама из районо, с которой ей довелось встретиться в директорском кабинете, разве только что не обматерила молодую преподавательницу. Витиеватости ее слога могла, пожалуй, позавидовать портовая братия, а Настя с ее дипломом учителя русского языка и литературы лишь молча открывала и закрывала рот, пытаясь уследить за синхронным переводом сказанного в исполнении их директрисы.

В итоге Настю временно отстранили от уроков. Целую неделю она упорно ходила на работу и просиживала с восьми утра до трех пополудни в учительской. Потом ей надоели сочувственные взгляды коллег, она засела дома, а через неделю неожиданно позвонила Нинка Калачева.

– Иди сама в районо и попытайся во всем разобраться! – твердым голосом наставила ее подруга. – Может, эта тетка – его родственница. Может, жена или любовница... Давай, давай, иди и не теряй времени, а то тебя еще чего доброго за прогул уволят...

Нет, все-таки от своих поросят, коров, овец и прочих домашних тварей Нинка чего-то да поднабралась. Красноречивая тетка из района действительно оказалась родной сестрой НикВаса. И сообщила ей об этом не кто-нибудь, а ее давняя попутчица (к слову сказать, сама весьма поднаторевшая в матерной фразеологии).

Маргарита Николаевна, сменившая костюм цвета прелых листьев на другой – оттенка подернувшейся ряской воды, встретила ее как родную.

– Настена! – шагнула она к ней в приемной заведующей районным отделом народного образования. – Что привело тебя к нам?

– Неприятности, – памятуя о норвежке женщины, кротко ответствовала Настя.

– Идем ко мне! – властно приказала Маргарита Николаевна и, вцепившись в рукав ее куртки, поволокла длинным коридором ее из приемной.

– Вот это мои апартаменты! – гордо указала подбородком женщина, останавливаясь перед филенчатой дверью с табличкой «Заместитель заведующего». – Думаю, проблемы твои решим в два счета...

В том, что Маргарита Николаевна слов на ветер не бросает, Настя убедилась уже через день. Машина восстановления попорченной справедливости закрутилась, подминая под себя всех злоупотребивших властью.

Николай Васильевич, потрусив по памятной аллейке, исчез в неизвестном направлении. Директриса резко засобиралась на пенсию. А завотделом – родная сестрица НикВаса – встретила спустя месяц с Настей на рынке, обремененная лотком с пончиками.

Маргарита Николаевна торжествовала. Настя, проигнорировав посылаемые ей подсознанием сигналы, праздновала победу. Посидеть, подумать и повзвешивать мотивы столь неожиданного великодушия со стороны малознакомой женщины ей было недосуг. Дела школьные захватили, закрутили, да тут еще это неожиданное знакомство...

Глава 3

Молодой человек, ехавший на задней площадке городского автобуса, не представлял собой ничего особенного. Спутанные грязноватые волосы неопределенного оттенка. Тусклый взгляд блеклых глаз. Нездоровая бледность впалых щек. Одним словом, если бы не его широкие плечи, к которым ее притиснула толпа ввалившихся на очередной остановке в автобус пассажиров, Настя не удостоила бы его даже взглядом. Но заводчане, заполонившие салон автобуса, народ уставший и злой от восьмичасовых монотонных будней. Связываться с ними из-за отдушенной ноги или оборванной ручки пакета – не резон. Поэтому, прильнув в силу обстоятельств к груди невзрачного юноши, Настя терпеливо молчала.

Езды было четыре остановки, а это где-то минут десять пути. Она кое-как зажала коленями растерзанный пакет с книгами и принялась прокручивать в уме программу сегодняшнего вечера. Планы завтрашних уроков у нее были готовы. Тетради все просмотрела еще в школе. В квартире идеальный порядок. Так что посвятить сегодняшний вечер праздному ничегонеделанию она имела полное право. Настя мысленно прикидывала, сколько времени у нее уйдет на сериал, ванну и ужин, когда в ее размышления вторглось принесенное вкрадчивым тоном:

– Что вы делаете сегодня вечером?

Настя удивленно подняла глаза на молодого человека. В том, что вопрос исходил именно от него, сомневаться не приходилось. Этот безликий и напрочь лишенный оттенков голос мог исходить только из его уст, находившихся совсем близко от ее лица.

– Вы мне? – на всякий случай решила уточнить она.

– Да, – подтвердил он и попытался улыбнуться. – Вы мне очень понравились. И... возможно, я бы хотел жениться на вас...

Вам когда-нибудь приходилось слышать подобное в автобусе? Как реакция? Правильно! То же самое произошло и с Настей – она рассмеялась.

– Извините, – сквозь смех пробормотала она, заметив, как обиженно поползли вверх белесоватые брови юноши. – Это так неожиданно! Что, так вот прямо и жениться?!

– Да. – Молодой человек с явным облегчением улыбнулся. – Думаю, вы – моя судьба...

Единственным оправдывающим фактором временного помутнения ее рассудка в тот момент, очевидно, послужила именно эта его улыбка.

Улыбался парень великолепно. Прекрасные, сверкающие белизной здоровые зубы. Чистое дыхание. Ну прямо хоть выдвигай его кандидатом на съемки рекламного ролика про «Орбит» или «Стиморол». Даже глаза его изменились – улыбка наполнила пасмурность взора неким подобием осмысленности.

Молодой человек представился Андреем. Не переставая улыбаться, он помог ей выбраться из переполненного, плюющегося злобой автобуса на улицу и попросил разрешения проводить ее до дома.

Видимо, затмение прочно овладело ее разумом, затуманенным к тому времени многочасовым общением с детворой, потому что она благосклонно согласилась.

Внутренний голос исходил истошным визгом, заставляя ее прислушаться к нему, но Настя упорно его игнорировала. Да, встреча случайная, а с кем не бывает... Да, подобное никогда у нее не заканчивалось благополучно, но ведь случается же что-то когда-то впервые в жизни. Почему бы это не мог быть тот самый случай?..

Короче говоря, духовный советчик, исчерпав все свои немногочисленные ресурсы, в скором времени умолк, предоставив ей самой разбираться в своих жизненных коллизиях, и Настя понеслась во весь опор.

Роман развивался бурно и скоротечно. Букеты роз чередовались с милыми сердцу безделушками, на смену которым явилось обручальное кольцо. Блеск тонюсенького обруча пона-

чалу ослепил ошалевшую от романтизма встреч под луной Настену, но длилось это недолго. Прошебетав пару часов на парковой скамеечке о маршруте свадебного путешествия, она распрощалась с Андреем и, послав воздушный поцелуй разочарованному жениху, закрыла перед его носом дверь.

Вот тут-то на нее и нахлынуло. Забравшись с ногами в теткино кресло, Настя, поглаживая придремавшего кота Магистра, задумалась и ошеломленно ахнула.

Да что же это с ней, наконец?! Зачем ей это?! Андрей... Его кольцо... Замужество...

Она же совершенно, ну ни капельки его не любит. Да, он воспитанный, интеллигентный. Где-то даже застенчивый. Да, с ним спокойно и, возможно, надежно. Но ей-то это ни к чему! Как с ним можно прожить всю жизнь бок о бок, если всякий раз, расставшись с ним после очередного свидания, она с облегчением вздыхает, чувствуя, что с души свалился камень...

– Нет! – решительно ответила наутро по телефону Настя, сердцем понимая, что избрала трусливый способ объяснения. – Прости, но я не готова...

– Понятно... – тоскливо промямлил Андрей и... положил трубку.

Промаявшись большую половину дня в угрызениях совести, Настена к вечеру начала понемногу успокаиваться. Оказывается, все не так уж и страшно. Ей мерещились душешипательные сцены выяснения отношений. Слезы, упреки, наконец. А все так прозаично, по-современному, без лишних сантиментов.

Часам эдак к одиннадцати разгул самоедства у нее окончательно пошел на убыль и, приняв ванну, Настя собралась отойти ко сну. Вот тут-то и раздался тот самый звонок в дверь, который положил начало краху ее иллюзорных представлений о благородстве, справедливости и семейной жизни, основа которой – любовь...

– Это что же ты себе, шалашовка такая, позволяешь?!

Маргарита Николаевна двинулась на нее словно танк. Настя еле-еле успела отскочить от двери, когда женщина, широко распахнув ее ногой, ворвалась в прихожую.

– Мой мальчик потратил на тебя все свое состояние, а ты нос воротить?!

– Маргарита Николаевна? – продолжала отступать Настена в глубь коридора, ведущего в гостиную. – Не понимаю!

– Ах, ты не понимаешь?! – завершала та и, отвесив девушке увесистую оплеуху, понесла во весь опор. – Хороший мальчик из приличной семьи сделал ей предложение, а она, шлюха, видите ли, принца ждет!!! А как же цветы, подарки?! А?! Что молчишь?!

Потирая загоревшуюся щеку, Настя все никак не могла прийти в себя. Потрясенная неожиданно открывшимся родством Маргариты Николаевны с ее нареченным, она усиленно подыскивала слова оправданий, но они почему-то не находились. Да, по совести сказать, их от нее никто и не ждал.

Наоравшись вдоволь и заклеив бедную девушку оскорблениями вдоль и поперек, Маргарита Николаевна принялась осматривать комнаты. Ее деловитости и практичности можно было позавидовать. Ощупав и обмерив каждый предмет мебели, она открыла старинный дубовый шкаф в теткиной спальне и удовлетворенно промурлыкала:

– А добра-то! Продать, так на целую машину хватит...

– Что вы делаете? – со слезой в голосе попробовала воззвать к ее совести Настя и сделала попытку закрыть шкаф. – Не нужно, прошу вас!!!

Но Маргарита Николаевна стояла насмерть.

– Отойди, козьявка! – Широким взмахом растопыренной ладони она отшвырнула девушку на кровать. – Тут твое место! Поняла?! Тут и нигде более! Андрейка!!!

Сын просочился из дверного проема гостиной и замер на пороге спальни. Его волосы были взъерошены, а уши горели. У Насти даже закралось подозрение, что бедного мальчика за них прилично оттаскали. Но жалости не было места в ее сердце, поскольку взгляд Андрея ей совсем не понравился.

Удовлетворение – вот что плавилось и искрилось в глазах обиженного и униженного отказом юноши. Моральное удовлетворение и похоть. Не стесняясь матери, Андрюша шарил глазами по телу девушки, которое было едва прикрыто тонюсенькой пижамкой в обтяжку. Если все предыдущие свидания у них проходили под знаком целомудрия, то сейчас, дав волю чувствам, Андрейка прямо-таки исходил желанием. Он едва не пускал слюни, мелкими шажками пробираясь к кровати, на которой замерла оторопевшая от происходящего девушка.

От Маргариты Николаевны не укрылись флюиды вождения, с такой силой источаемые сыном.

– Сладкий ты мой, – погладила она его по спине и, подтолкнув немного, пропела, – управляйся тут и будь мужчиной. Если что, зови на помощь. Мы ее, шалаву, быстренько скрутим да рот заклеим. Ишь, чего удумала – отказать!!!

Маргарита Николаевна испарилась из спальни, не забыв поплотнее закрыть за собой дверь. Лишившись моральной поддержки в лице матери, Андрей на минуту стушевался и почти виновато пробормотал:

– Настька, ты сама виновата... Согласилась бы сразу, без всяких капризов... Ты же знаешь мою мать: она если что задумала, то обязательно сделает...

– Так это она все подстроила?! – запоздало начала прозревать Настя, попытавшись укрыться краем пледа. – Это знакомство в автобусе не было случайным?!

– Нет, конечно! Дура, что ли?! – Андрей кулем рухнул на кровать и потянул на себя плед. – Я целый месяц ездил этим маршрутом, пока решился с тобой познакомиться. Да и то, мать достала, а то, может быть, и до сих пор катался бы...

– Ты же говорил, что любишь! – Поверить в такой чудовищный фарс было очень трудно.

– Ну... Это я уже потом полюбил... – Андрей вдруг отчаянно засопел. – Ты вся такая... аппетитная. И потом, у тебя такие сиськи!!!

Слышал ли кто-нибудь что-нибудь подобное в первую брачную ночь от пламенно влюбленного Ромео?! Где же романтика? Где красивые слова о чувствах? Или какие к черту чувства, когда у невесты такие сиськи?!

Глаза у Насти были готовы вывалиться из орбит. И это тот самый интеллигент, не позволявший себе высморкаться в ее присутствии?! Краснеющий и бледнеющий всякий раз, нечаянно задев рукой ее зад?!

Представив себе момент совокупления с этим грязным самцом, она передернулась и попыталась соскочить с кровати. Но Андрей был проворнее. Схватив ее за руки и подмяв под себя, он принялся грубо ее лапать, лихорадочно на ходу разрывая тонкую ткань пижамы.

– Орать бесполезно, – шептал он сдавленно, почти со всхлипом. – Мать все предусмотрела. Тебе никто не поверит. К тому же работы лишишься. Уважения. Таковую рекомендацию даст, что останешься с клеймом на всю жизнь. А так будешь моей женой. Заживем нормально. Ну-ка не упрямься, раздвинь ножки...

Зажить нормально у них не получилось...

Глава 4

– Горько!!! Горько!!! Горько!!!

Эти скандирования на пышном праздновании дня их бракосочетания ничего, кроме скорби, у Настены в душе не вызывали. Желание разрыдаться и убежать куда-нибудь, где нет этой надсадно орущей толпы, мгновенно подавлялось подозрительным прищуром глубоко посаженных глаз свекрови.

– Только попробуй выкинуть что-нибудь, стервозина, – шептала та, склонившись к ее уху, и ележно улыбалась при этом гостям. – Придушу на месте! Сиди и доигрывай до конца, а там посмотрим, что с тобой делать...

Настя испуганно моргала длинными ресницами и молчала. Устраивать публичные скандалы было не в ее правилах. Да к тому же трепыхаться нужно было раньше, а не сейчас, когда безымянный палец правой руки уже плотно охвачен золотым кольцом. Нужно было бы, да возможно ли...

После того памятного вечера, когда мать и сын ворвались в ставшую ее собственностью квартиру покойной тетки и устроили там скандал с последующим изнасилованием, Настя почти месяц ни с кем не разговаривала. Ушлая Маргарита Николаевна выхлопотала ей отпуск, якобы для подготовки к намечающейся свадьбе, и буквально посадила под замок. Затем, когда Настя наотрез отказалась идти в ЗАГС подавать заявление, нашла ее по щекам и, завладев ее паспортом, удалилась из квартиры.

– Все в порядке, милочка, – скалилась она потом целых три недели. – Заведующая ЗАГСом – моя давняя подруга, так что твоего присутствия, возможно, не понадобится даже на твоей свадьбе...

Но тут, к вящему удивлению мамы, взбунтовался сынок, возжелавший блеснуть перед толпой зевак, ведя под руку красавицу невесту.

– Хочу свадьбу! – твердил он монотонно, теребя в подрагивающих руках кухонное полотенце, которым до этого вытирал тарелки. – Хочу, чтобы все, как у людей. И чтобы Настька была в белом платье и фате.

– И охота тебе тратить на эту гадину? – ревниво прищурилась мать. – Она же твоего ногтя не стоит! Ах, если бы не ее жилье, разве стала бы я затевать подобное!!!

Кстати, о жилье. Новоиспеченные родственники поселились на жилплощади Настены задолго до того, как стали таковыми. Вещей с собой практически никаких не привезли, из чего девушка сделала вывод, что они ими и обременены особенно не были.

Маргарита Николаевна тут же заняла спальню покойных супругов, а детей расселила по разным комнатам.

– Успеешь еще насладиться ее титьками! – почти безразлично молвила она в ответ на нытье сыночка. – Пусть все приличия будут соблюдены...

О последних она имела весьма и весьма смутные представления, но тем не менее за эту небольшую, но все же отсрочку Настя была ей отчасти благодарна. Выносить ласки шумно сопящего во время соития Андрея было равносильно прыжку в кишасий жабами бассейн...

День свадьбы между тем приближался. По квартире сновали какие-то шумные люди, голосащие о килограммах мяса, требующихся на определенное количество персон, о бутылках шампанского и фужерах, которые было необходимо взять напрокат. И много еще всякой предпраздничной суеты, в которой Настя наотрез отказалась принимать участие.

Лишь один-единственный раз ее потухший взгляд обрел некую осмысленность. Это случилось, когда в квартиру величественно вплыла Нинка Калачева. В дорожном льняном костюме от кутюр, царица ферм и конюшен мгновенно дала почувствовать присутствующим, кто на этой свадьбе главный.

– Это все дрянь! – скептически скривила она тонкие губы, разглядывая взятое напрокат белое платье для невесты. – В этом она под венец не пойдет!!!

Безапелляционность ее тона проняла даже непробиваемую Маргариту Николаевну. На фоне Нинки она стала как бы даже меньше ростом. И хотя и сипела себе что-то под нос, возмущаясь указаниям свалившейся ей на голову подружки невесты, но выполняла все пожелания и рекомендации, высказанные той почти что в приказном порядке...

В результате ее распоряжений свадьбу было решено играть не дома, а в ресторане. Платье для Настены, диадема и фата на голову были приобретены в престижном салоне для новобрачных. И по городу их раскатывал кортеж пристойных автомобилей, заказанных предприимчивой подругой в фирме «Аист», а не латаные дымящие машиненки приглашенных по такому случаю знакомых...

Закончилось празднество далеко за полночь.

– Нечего строить из себя несчастную, – расцеловала Нинка Настю на прощание. – Вот увидишь, все еще устроишься. Мужик у тебя явный подкаблучник. Все, что тебе нужно, так это извлечь его из-под ига маменьки, и все у вас получится.

– Что?! Что может получиться?! – посмотрела Настя на нее полными слез глазами. – Меня же мутит от его поцелуев!!!

– Хватит!!! – вдруг рявкнула Нинка и широко зевнула. – Какого х...ра тогда таскалась с ним целых три месяца?!

Возразить было нечего, и Настя прикусила язык.

– Чем тебе Андрюха плох? Не красавец, конечно, но и не урод. К тому же фигура атлета... Характер ты ему поставишь... Ну а кого ты найдешь-то сейчас? Посмотри вокруг широко открытыми глазами – пьянь же одна да уголовники. С зарплатой в тысячу рэ... Андрюха твой зарабатывает, я слышала, неплохо.

– Ага, а мама в день зарплаты его у двери поджидает, слюни слизывает. Тьфу! – В сердцах Настя сорвала с головы диадему из маленьких розоватых цветов. – Фарс же один! Да, я встречалась с ним. Даже интересно, помнится, было. Но потом!!! После всего, что произошло... Я не могу видеть его, понимаешь?!

– Хватит целку из себя корчить! – Нинка почти зло оборвала причитания подружки. – Тебе лет сколько? Двадцать два. Не за горами двадцатипятилетие. И за все это время я что-то вокруг тебя своры богатых, красивых и преуспевающих не заметила. Пользуйся тем, что даровала тебе судьба. И помни, самое главное – оторвать его от матери. Пожить бы вам отдельно...

Настя тяжело вздохнула: она и мечтать не могла о том, что Маргарита Николаевна куда-нибудь исчезнет из ее жизни. И каково же было ее удивление, когда свекровь, отозвав ее в сторонку на стоянке такси, доверительно зашептала:

– Знаю, знаю, что злишься на меня... Понимаю тебя, сама была молодой...

Последнее заявление вызывало у Насти серьезные сомнения, но она нашла в себе силы промолчать. А та, достав откуда-то из складок платья лягушачьего цвета большой резной ключ, протянула его Настене со словами:

– На вот, возьми.

– Что это? – Настена с сомнением повертела ключ в руках.

– Знаю, как молодым хочется побыть одним, – продолжила сладкоречивая Маргарита Николаевна.

«Не одним, а одной...» – вновь захотелось ей возразить свекрови, но заинтригованная Настя промолчала.

– Вот решила пока дать вам пожить вдвоем... – Свекровь радостно сверкала глазами. – Живите там, пока не надоест...

Уточнять, где и как долго, Маргарита Николаевна не удосужилась, а может быть, не снизошла. Настена, вновь не почувствовавшая подвоха, несказанно обрадовалась. Перспектива не

видеть глыбообразной фигуры новоиспеченной мамочки окрылила ее до такой степени, что она даже благосклонно позволила Андрею обнять себя за талию, когда они ехали в такси.

– Здесь затормози, – вяло попросил молодой супруг водителя.

Молодожены вышли из машины, и та укатила прочь.

«Улица Фестивальная» – значилось на указателе невзрачной многоэтажки за номером семь.

– Где мы? – Настя подобрала подол дорогого подвенечного платья и смело ступила с тротуара на пыльную тропинку, ведущую во двор. – Что это за место?

Лишенный поддержки в лице мамыши-гренадера, Андрей мгновенно стушевался и залопотал что-то нечленораздельное.

– Отвечай по-человечески! – памятуя о наставлениях подружки, прикрикнула на него Настя. – Хватит мямлить, в конце концов!

– Мы с мамой жили здесь раньше... – вякнул он и потрусил следом за Настей. – Средний подъезд, седьмой этаж, семьдесят седьмая квартира...

– Ишь ты, – хмыкнула она, держа курс на средний подъезд. – Сплошные семерки. Так с чего это мамаша так расщедрилась, не можешь знать? С чего это позволила нам обходиться без ее общества?

Андрей молчал, сосредоточенно разглядывая что-то у себя под ногами. Он следовал за ней к подъезду, не произнося ни слова. Вот тут-то его отчаянное сопение за ее спиной и зародило в ней подозрение.

Не иначе как в этом жесте доброй воли свекровушки содержалась опять какая-нибудь пакость. Не могла она вот так вот соблаговолить сделать что-то хорошее и достойное. Или решила сбагрить молодых до поры, чтобы остаться в четырехкомнатных хоромах в одиночестве. Или предоставленная им квартира доброго слова не стоила. То ли соседи – сплошь алкоголики, то ли, возможно, имелось еще что-нибудь такое, от чего нормальному человеку ничего не стоило съехать с катушек...

Пребывать долго в неведении Настене не пришлось. Гипотезы подтвердились, как только они вошли в подъезд: сломанный лифт, в стельку пьяный сосед, возлежавший поперек лестничной клетки, а затем и квартирные условия...

– Что это? – указала брезгливо Настя пальчиком на почти бездыханное тело в джинсовом наряде, упиравшееся головой в дверь за номером семьдесят семь.

– Это? – Андрей едва не застонал, подрагивая и голосом, и всем телом одновременно. – Это Антоха... Сосед... Антон Атаманов...

– И часто он так?.. Как в квартиру-то попадем? – Она еще выше приподняла белоснежный подол и попыталась перешагнуть через пьяницу.

Благополучно реализовав задуманное, Настя вставила ключ в замочную скважину и совсем уже было открыла дверь, как вдруг лохматая голова соседа приподнялась от пола, и мгновение спустя все его тело приняло вертикальное положение.

Мужчина был высок, крепок телом и, на удивление, молод. Ожидавшая увидеть побитого жизнью тускловзорого алкоголика, Настя едва не ахнула, уперевшись взглядом в совершенно чистые и почти трезвые бирюзовые глаза на загорелом лице.

– Кто такая? – Сосед чуть склонил голову к правому плечу и слегка прищурил правый глаз.

– М-моя жена, – проблеял за его спиной Андрейка и бочком выскользнул из-за фигуры атлета. – Настя...

– Очень приятно, – хмыкнул тот и, протянув ей грязноватую ладонь с длинными красивыми пальцами, попытался шелкнуть задниками пыльных кроссовок. – Антон... Антон Атаманов...

– Не скажу, что и мне весьма приятно, но я – Настя. – Проигнорировав протянутую ладонь, она толкнула скрипучую раздолбанную дверь и скомандовала:

– Заходи, муженек...

Андрей, осторожно обойдя Антона, вошел в квартиру и попытался закрыть за собой дверь. Но сосед был еще тем настойчивым парнем. Вовремя среагировав, он сунул плечо в дверной проем и осклабился в белозубой ухмылке:

– Молодожен, значит, Андрейка?! А где бутылка?!

На того было больно смотреть. Спрятав подбородок в воротник рубашки, где его шея болталась, как карандаш в стакане, он побледнел, затем покраснел и сипло потом выдавил:

– Я не знаю...

Ах, как не хватало ему его воинственной мамы! Вот бы где пригодилась ее кустодиевских размеров грудь, под защитой которой до сих пор проживало ее великовозрастное дитя. Двинула бы ею, и все – нет назойливого соседа. А тут приходилось самому принимать решение... Андрей беспомощно заозирался и, наконец, жалобно уставился на Настю.

Ну что же! Если начинать ставить характер этому переростку, то почему не с сегодняшнего дня?..

– По-моему, вам уже предостаточно, – решительно выдвинулась она на передний план.

– Не имеет значения. – Антон вновь склонил голову к правому плечу и прищурился, отчего у нее зародилось смутное беспокойное чувство узнавания этого характерного жеста. – Хочу выпить за молодых!

– А я не хочу!!! – почти взвизгнула она, чувствуя, как неумное любопытство пытается подтолкнуть ее к какому-то умозаключению. – Пошел вон!!!

– Ну и дура! – Сосед озадаченно потеревил небритый подбородок. – Причем трижды дура!!!

– Почему? – машинально поинтересовалась она.

– Что орешь – единожды дура. Что замуж вышла за этого тюфяка – дважды дура. Ну...

– Ну?!

– Ну, и дура вообще...

Выдав ей такую вот незамысловатую тираду, он скрылся в своей квартире, напоследок сильно шарахнув дверью и оставив бедную Настю в состоянии крайнего душевного излома.

Неужели ее глупость настолько неприкрыта? Идиотизм ее скоропалительного замужества, конечно же, очевиден, но вот что он имел в виду под этим «вообще»...

Боясь признаться самой себе в том, что ее сразила наповал малоприятная оценка этого незнакомого полупьяного парня, Настя проплакала почти всю ночь. Попытавшегося было рыпнуться к ней под одеяло Андрея она скинула на пол, сопроводив свой жест словами:

– Там твое место! Так, кажется, говаривала твоя мамочка. Там, и нигде более...

– Подожди! – заскулил откуда-то из-под стола молодой супруг. – Мать тебе еще покажет!!!

– Я уже насмотрелась, – беспечно отмахнулась Настя, укрываясь по самый подбородок тоненьким одеялком. – Молчи лучше!..

Но Андрей молчать не собирался. Вскочив с пола, он принялся бегать по тесной конурке однокомнатной хрущевки, мелькая в свете ночника молочно-белым телом.

– Ты дура и есть! Антоха прав на все сто! Думаешь, ты мне очень нужна?! – Дрожа всем телом, он остановился у ее изголовья. – Нам изначально квартира твоя была нужна!!! Понимаешь ты или нет?! Квартира!!! Тебе вот эту спихнем, а в той сами поселимся! Очень мне нужно твое тело! Подумаешь! Получше найду! В такие хоромы побежит любая...

Он что-то еще приговаривал, попутно всхлипывая и скуля, но Настя его уже не слушала.

Вот, оказывается, что уготовила ей под занавес милостивая свекровушка! Вот откуда небывалая аура доброты и благочестия!

«Как вам хочется побыть одним...» – всплыл в памяти ее дрожащий от небывалой нежности голосок.

«Да с кем тут быть вдвоем – то?!» – хотелось Насте вскрикнуть в отчаянии.

Взгляд ее сместился на замеревшего у кровати мужа. Среднего роста, он действительно обладал хорошо сложенной фигурой, но имел при этом белую веснушчатую кожу с редкими рыжими волосками вокруг вытянутых сосков. Длинные, едва ли не по колено семейные трусы темно-бурой расцветки. Неприметная, мышиная внешность. И эти его вечно трясущиеся руки, сложенные в молитвенном жесте у груди. Да будь она хоть трижды нимфоманкой, и тогда бы ее либидо не ворохнулось...

– Прости меня, – мгновенно прочел он что-то в ее взгляде. – Прости меня, любимая!!! Это я со зла!!! Это я тебя к Антохе приревновал!!! Он на тебя так смотрел!!! Прости меня!!! Никому тебя не отдам...

Слезы, мольбы, угрозы, попреки... Всю ночь до раннего утра бесновался молодой супруг, не давая ей покоя. Настина цитадель, ограниченная размерами кровати, не раз подвергалась нападениям неудовлетворенного мужа. Но, лишившись поддержки мамы, он так и не дерзнул вновь решиться на насилие.

К утру силы у них обоих, наконец, иссякли. Он затих, свернувшись клубочком где-то на полу. А Настя, ни к кому конкретно не обращаясь, засыпая, тихо промолвила:

– Я соглашусь на все ваши условия... На все... Лишь бы никогда, никогда не видеть вас больше...

Глава 5

Условия, выдвинутые Маргаритой Николаевной, могли бы повергнуть в состояние шока любого простофилю, лишённого малейших намеков на практичность, но, невзирая на это, Настя с ними согласилась. Она безропотно позволила водить себя по различным инстанциям, подписывала многочисленные документы о разводе и намечающемся родственном обмене, не переставая лелеять в подсознании одну-единственную надежду на то, что вскоре избавится от назойливого присутствия в своей жизни пронырливых родственников.

Возроптать ей пришлось лишь единожды, когда алчная свекровушка собралась прибрать к рукам старинную мебель красного дерева из теткиной квартиры.

– Оставьте мне хотя бы это!!! – взорвалась она от такой вопиющей наглости.

– А зачем тебе? – совершенно искренне удивилась Маргарита Николаевна. – Та квартирка полностью обставлена...

То, что она называла обстановкой, состояло из скрипучей полутораспальной кровати, пары продавленных кресел, видимо, шагнувших на гнутых ножках из весьма далеких времен, и черно-белого телевизора на обшарпанной тумбочке с полуоторванной дверцей, сборной солянки из разномастных кухонных шкафов и громахающего на всю квартирку холодильника «Мир».

– Нет! – твердо отрезала Настя. – Мебель не отдам. Заберу всю!

– Куда же ты будешь ее ставить, милочка?! – всплеснула руками свекровь и огорченно заметила: – Жадность твоя тебя до добра не доведет...

Неизвестно, куда бы завели Настену эмоции, переполнявшие ее душу в тот самый момент, но тут на помощь вновь пришла Нинка Калачева. Ввалившись в ее хрущобу поздним июльским вечером и выслушав житейскую историю подруги, она обошла метр за метром ее убогое жилище, озабоченно почесала аккуратный носик и удрученно пробормотала:

– Такую шикарную четырехкомнатную квартиру профукать могла, конечно же, только ты.

– А что я могла сделать? – пискнула из продавленного кресла Настя. – Он теперь мой законный супруг, значит, имеет полное право на свои метры. Мама – его бесплатное приложение. С ним одним я бы еще могла повоевать, но когда их двое!..

– Ладно, – обреченно махнула та рукой. – Что с мебелью?

Настя скороговоркой выпалила, какая у нее возникла проблема с разделом дровяшек, и едва не подскочила на месте, когда Нинка взревела дурным голосом:

– А вот х...р ей!!! Ишь чего удумала – мебель ей подарить!!! Они и так тебя обвели вокруг пальца, как последнюю идиотку. Но тут есть объясняющий подобную ситуацию фактор: девка – сирота, ума не особо много, свекровь – гарпия с завидным положением и уважением в обществе. Против такой переть, что сать против ветра. Но мебель?! Нет!!! Перво-наперво обставляешь квартиру, а что не вместит твоя халупа, сбудем по хорошей цене.

– Кому? – вздохнула Настя, ни минуты не веря в успех данного предприятия.

– А вот ей же и продадим! – хитровато подмигнула ей Нинка.

Теория Дарвина, невзирая на многочисленные противоречия и споры маститых ученых, все же имела под собой серьезную основу. Поскольку Нинка, порядком поднаторев в мастерстве общения с братьями нашими меньшими, безошибочно угадывала в людях некие скрытые пунктики, от которых те так и не смогли избавиться в процессе эволюции.

Маргарита Николаевна согласилась со всеми ее условиями. В результате их переговоров однокомнатная квартира на седьмом этаже, принадлежавшая теперь Настене, приобрела какое-то подобие обжитости и уюта. А не вместившаяся мебель была обменена на машину

«девятку», которая после смерти мужа Маргариты Николаевны стояла заброшенной в кооперативном гараже.

– Все же лучше, чем ничего, – философски изрекла Нинка, и Настя с легким сердцем согласилась.

Перспектива приобретения собственного средства передвижения радовала ее куда больше, чем пара шкафов и старинный тетушкин комод. Переписав на ее имя технический паспорт автомобиля и вручив ей его лично в руки, Маргарита Николаевна улыбнулась и голосом слаще патоки попросила:

– Ты уж не обижайся, если что не так... Будешь скучать – звони... Все же мы тебе не чужие. Да и Андрей сам не свой ходит с тех самых пор, как ты решила с ним порвать...

Если Настю и насторожило что-то в этом медоносном монологе, то времени и терпения понять и прочувствовать, что именно, у нее не было. Ей неудержимо хотелось избавиться от всей этой мерзости, от этих людей, родство с которыми хотя и не было особенно продолжительным, но обременительным явилось уж точно.

– Теперь ты заживешь... – мечтательно протянула Нинка провожавшей ее на автовокзале Настене. – Своя квартира, своя тачка. Работа нормальная. Да и сосед, я скажу тебе, – это нечто...

Настя расцеловала подругу на прощание в обе щеки и на ноте радостного душевного подъема поспешила к себе домой.

Благодушное настроение, умело вкрапленное Нинкой ей в душу, позволило немного расслабиться и порассуждать...

А ведь и действительно все не так уж плохо. Она – молодая, перспективная учительница, в которой детвора просто души не чает. У нее своя машина, вон как резво бежит по проспекту. Квартира, пусть малогабаритка, а задуматься, то куда ей одной четырехкомнатные хоромы. Вот немного придет в себя после замужества и сделает ремонт, благо летних каникул еще полтора месяца. А там, глядишь, что-нибудь и на личном фронте переменится...

Здесь ее сердце сделало резкий скачок и неистово заколыхалось. А ведь Нинка, прозорливая стервозина, что-то наверняка да углядела. С чего это она вдруг про соседа речь завела? Неужели Настена опять что-то сделала не так и чем-то смогла выдать себя? Она и самой-то себе боялась признаться в этом и до сих пор недоуменно чесала в затылке: что же на самом деле явилось доминирующим фактором в ее решении совершить этот, мягко говоря, неравноценный обмен. Сыграло ли тут роль ее желание избавиться раз и навсегда от потных рук супруга, или виной всему стали голубые глаза Антона, смотревшие на нее с насмешливым прищуром?

– Он же вылитый Брюс Уиллис! – ахнула Нинка, впервые его увидев.

И Настю словно обдало изнутри. Вот откуда в ней это беспокойство, всякий раз возникающее при встрече. Вот отчего эта немного склоненная к правому плечу голова напоминала ей кого-то до боли знакомого. А уж что говорить о том, как ей каждый раз становилось не по себе, когда она ловила завораживающий взгляд его полуприкрытых ресниц...

– Вы просто сладкая парочка с улицы Грез! – продолжала куражиться Нинка.

– То есть? – не сразу поняла Настя. – Почему с улицы Грез?

– Голливуд называют «фабрикой грез», так? Так, – начала терпеливо пояснять Нинка, собираясь на автовокзал. – Ты – вылитая Николь Кидман, сама говорила, что сорванцы тебя так величают. Он – копия Брюса. А живете на какой улице? Правильно, на Фестивальной. А это все из одной кухни: театр, кино, фестиваль... Понятно?..

Если честно, то никаких параллелей между фестивалем молодежи и студентов в Москве (в честь которого городские власти именовали их улицу) и Голливудом Настена не улавливала. Но сравнение подруги, моментально соединившее ее и Антона воедино, понравилось, сладостно заворочавшись где-то в области желудка. Ей по-настоящему это было приятно. Чего нельзя было сказать о ее соседе...

После той памятной ночи, когда он бодал кудлатой головой тонкую фанерную дверь квартиры семьдесят семь, она видела его почти ежедневно. Пыталась здороваться, заговаривать, приветливо улыбаться. Но Антон, видимо, сильно обиженный недостойным поведением ново-брачной, на контакт не шел. Более того, при каждом удобном случае пытался ее обидеть.

– А, придурочная, – ухмылялся он обычно в ответ на ее приветствие. – Здравствуй, здравствуй... А где же твой скудоумный супруг? Чего это ты несешь там такое в сумке? Уж не памперсы ли?..

Настя вспыхивала до кончиков волос и... почти мгновенно его извиняла. Хам, конечно, но что поделаешь, сама виновата: при первой же встрече вытолкнула его на лестничную клетку. Вот он теперь и возвращает ей долг...

Антон Атаманов не был кумиром ее девических грез. Раньше ей больше нравились мужчины эрудированные, глубоко интеллигентные. Хорошие манеры, галстук и начищенные ботинки, по ее мнению, должны были быть непременными атрибутами ее возлюбленного. Скоропалительный неудавшийся брак с Андреем резко сместил ее симпатии в прямо противоположную сторону. Пусть ее избранник будет грубым, пусть дерзким, но сильным и надежным. И именно таким рисовала Антона ее взбудораженное эмоциями воображение. Поломав голову над этой проблемой пару бессонных ночей, Настена решила, что влюбилась...

Глава 6

Настене казалось, что, с тех пор как она зажгла свет в своей комнате и обнаружила там остывающее тело местного авторитета, прошла целая вечность.

Чего она только не выделявала за это время. Заламывая руки и жмуря глаза, молила господу об избавлении от страшных мук за все грехи, совершенные и планируемые. Несколько раз порывалась позвонить в милицию. Трясущимися пальцами брала телефонную трубку и тут же швыряла ее обратно. Запиралась в ужасе в ванной и сидела там, отстукивая зубами звучную морзянку. Металась по квартире и рассовывала по дорожным сумкам попадавшиеся под руку вещи.

Но ситуация по-прежнему оставалась безнадежной. Мужчина становился все более мертвым, то бишь синева начала наплывать с подбородка все ближе к крыльям носа, а она сама – все более обезумевшей.

Настя дошла даже до того, что набрала номер своей бывшей квартиры и, услышав голос экс-супруга, залопотала что-то нечленораздельное.

– Настена?! – в голосе Андрея всколыхнулись все чувства разом: и удивление, и надежда, и радость. – Что случилось?! Ты плачешь?! Я сейчас приеду! Ты хочешь?!

– Нет! – твердо ответила она и с явным облегчением повесила трубку.

Надо же было настолько лишиться самообладания, чтобы решиться попросить помощи у человека, с таким трудом выставленного ею не только за дверь, но и из ее жизни. Представив себе влетающих в ее квартиру мамочку и сына, а также явное удовлетворение от увиденного на лице первой и трусливый ужас на лице второго, Настена вновь облегченно вздохнула и уже без былого страха посмотрела на труп.

Ну почему, интересно, сегодня утром она опять пропустила мимо сознания этот указующий знак свыше?! Ведь в тот же момент, когда этот пижон тормознул рядом и заговорил с ней, нужно было прыгать в машину и лететь куда-нибудь сломя голову, а не начинать день с глупых торгов, приведших к такой вот глобальной катастрофе!

Оцепенение продолжалось минут десять. Она таращилась на мертвого мужчину, представившегося ей сегодня Иваном Мельниковым, и настойчиво уговаривала себя пойти и позвонить в семьдесят шестую квартиру. В том, что Антон был дома, она была уверена на сто процентов. Примерно полчаса назад хлопнула входная дверь его квартиры, и почти тут же раздался рев стереосистемы, изрыгающей что-то о судьбе и теплом доме.

«Вот пойду сейчас и попрошу его о помощи!!!»– решила она и двинулась мелкими шажками к выходу. Но стоило ей переступить порог и протянуть руку к его звонку, как решимость мгновенно истаяла.

Ну что она ему скажет?! Что?! Попросит помочь избавиться от трупа, непонятно каким образом попавшего в ее квартиру?! Или напросится переночевать, а к утру тело, может быть, как-то само собой исчезнет...

Нет! Если начинать разговор с этого, то единственное, что он может ей предложить, – вызвать психушку. Любимым обращением к ней было у него «придурочная», а тут еще она заявится с подобной просьбой. Тут уж диагноз напрашивается сам собой.

Настена, одетая в тонюсенький ситцевый халатик, переминалась с ноги на ногу у двери Антона, неслышно ступая ногами, обутыми в домашние тапочки. Она то поднимала вытянутый вперед указательный палец, чтобы позвонить-таки в его квартиру, то вновь отдергивала руку. Прохлада ли летней ночи, сквозняком гуляющая по подъезду, давала о себе знать или расшатавшиеся от ужасной находки нервы, но, когда Антон резким рывком распахнул свою дверь, ее буквально лихорадило.

– Тебе чего надо? – со знакомым прищуром смерил он ее взглядом с головы до пят. – Подслушиваешь?!

– Нн-нн-еет, – отстучала она зубами, попутно заметив взмах огненно-рыжих распущенных волос, мелькнувших за его широченными плечами (к слову сказать, не обремененными одеждой).

– Тогда чего стоишь здесь уже минут десять? Думаешь, тебя в глазок не видно?

Настя покраснела до корней волос и, опустив глаза долу, изумленно покачала головой. Нет, ну надо же быть такой идиоткой, чтобы забыть о глазке...

– Антон!!! – раздался капризный голос из недр квартиры. – Ты скоро?!

– Сейчас! – более чем резко огрызнулся он и, перешагнув порог, вышел на лестничную клетку. – Давай, придурочная, базарь быстрее. Чего у тебя стряслось? Климакс раньше времени начался или диарея замучила?!

– У меня там – труп! – сдавленно прошептала она, пропустив мимо ушей его оскорбительный юмор.

– Что?! Ты чего, совсем с катушек съехала со своим замужеством? – Антон выпятил немного нижнюю губу и более серьезно, чем прежде, спросил: – Так что там у тебя, я не понял?..

– Труп... – совсем почти беззвучно выдавила Настя и от неожиданности икнула.

Минуты три прошли в напряженном молчании. Антон непроницаемым взором изъездил ее фигуру снизу-вверх раз, наверное, десять, прежде чем, оттолкнув слегка Настену в сторону, шагнул к ее двери.

– Ну-ка пойдем посмотрим, что там у тебя...

Вид мертвого мужчины в ее кресле произвел на него удручающее впечатление. Во всяком случае, так показалось Насте. Вытаращив глаза, мгновение он молча его разглядывал, пока наконец не выдал:

– Ты представляешь, в каком ты дерьме?!

– Приблизительно... – шепнула она, боясь поднять голову.

– Знаешь, кто это?!

– Да, – обреченно кивнула она, все так же не глядя ему в глаза.

– Откуда?! – с напором продолжил он допрос.

– Я... мы это... – принялась она мямлить, только сейчас до конца осознав, как Антон был прав, беря под сомнение ее умственные способности.

– Перестань! – рыкнул он приглушенно. – Откуда знаешь Ваньку Мельникова, идиотка?!

– Я с ним ужинала сегодня вечером... В ресторане... – просипела она и... разревелась. – Я поехала утром машину продавать на авторынок. Он сразу прицепился.

– Две цены небось давал, – понимающе хмыкнул Антон и, обойдя кресло с трупом стороной, уселся на мягкий велюровый диван, ее недавнее приобретение. – Да ты не стесняйся, рассказывай. Я его штучки давно знаю...

– Откуда? – спросила Настя, шмыгнув носиком.

– Здесь вопросы задаю я! – нацелил он в нее указательный палец. – Дальше!..

– Я сейчас... – На плохо слушающихся ногах Настена ушла в кухню и вернулась со стаканом холодной воды. – Не хочешь? А я выпью, горло пересохло...

Антон лишь насмешливо хмыкнул, мотнув при этом пару раз головой из стороны в сторону. Так себе жест, не имеющий особого значения, но Насте так не казалось. Этот полуобнаженный мужчина волновал ее сейчас даже больше, чем труп, начинающий коченеть в ее кресле, он мог простым взмахом ресниц лишить ее воли и способности рассуждать здраво. А уж коли такое вот осуждающее сопение, то душой себя почувствует любая...

Рассказ ее был кратким, но всеобъемлющим.

Сегодняшнее утро началось у нее с торгов, поскольку свекрухиной «девятки», полученной ею в качестве отступного, хватило ровно на две недели. Потом она с завидным упорством ослицы совершенно отказалась заводиться.

– Движок скоро того... стуканет, – авторитетно заявил вызванный Настей с первого этажа их многоэтажки дядя Витя. – Продавай, пока не поздно. Ну это, пока жестянка еще целая...

Побежав по разным автомастерским и прикинув приблизительную сумму расходов на подобного рода ремонт, Настя едва ли не скрипела зубами от злости. Маргарита Николаевна в который раз с ловкостью циркача обвела ее вокруг пальца, всучив ей грудку металла, кое-как кем-то подреставрированную.

– Да тут и видно, что ляпали, как придется, где глаза-то у тебя были? – укорил ее все тот же дядя Витя и пообещал посодействовать в продаже рухляди.

Авторынок встретил их галдящей толпой мужиков, снующих между автомашинами, стоящими с раскрытыми багажниками и капотами.

– Вот здесь я тебя оставлю, – пробормотал сосед с первого этажа, отбуксировав ее машину почти к самому выходу. – Больше штуки не проси. Хотя и штука, по-моему, многовато...

Он оказался прав. Услышав сначала о поломке, а затем о цене, мужчины насмешливо кивали, затем хамовато шутили и уходили, оставив ее несолоно хлебавши. Часам к двум дня, изрядно проголодавшись, устав и издергавшись от постоянных вопросов и ответов, Настя совсем уже было собралась бросить к чертовой матери торги вкупе с машиной и уехать на первом попавшемся автобусе домой, когда в окружении свиты появился этот самый гражданин. Он шел, с высокомерием лорда поглядывая по сторонам, и лишь время от времени снисходил до приветственных кивков своим знакомым. Свита, состоящая в основном из безликих мускулистых парней, трусилась за ним следом. Так они прошла ряда три автомобилей, пока, вдруг резко сменив направление маршрута, не свернули к ней.

– Сколько? – почти не разжимая губ, процедил вышеописанный задавака.

– Штука, – пролопотала Настя и почти тут же, опомнившись, поправилась: – Девятьсот пятьдесят долларов. Торг уместен...

– Что с ней?

– Двигатель...

– Понятно. – Он внимательно оглядел автомобиль и хозяйку и спросил: – Лет сколько?

– Одиннадцать, – с печальным вздохом пробормотала она. Обычно в этом месте покупатели, озабоченно присвистнув, уходили, поэтому она поспешила добавить: – Но на ней почти не ездили...

Удивительно, но он не стал свистеть, а лишь негромко засмеялся. Свита вежливо его поддержала.

– Тебе лет сколько, дуреха? – с терпеливостью педагога вспомогательной школы переспросил мужчина.

– А зачем вам? – Настя опешила.

– Интересно. Думаю, что за пигалица здесь тачку толкает, ей и шестнадцати-то нет.

– Ой, да что вы, – моментально попалась на удочку Настя. – Мне уже двадцать три года.

– Совершеннолетняя, значит, ага... – Он открыл дверцу водителя, сел за руль и, подозрительно паскудно скалясь, прокричал оттуда: – А как насчет минета, дорогуша, сможешь?..

Ее словно под дых ударили. Дыхание мгновенно перекрылось. Воздуха стало катастрофически не хватать, а вся кровь, казалось, собралась в области висков.

Каков мерзавец?! Она как последняя дура распинается перед ним, а он, оказывается, все это время лишь потешался...

– А ну пошел вон отсюда! – тихо, но внятно произнесла Настя, склонившись к его уху. – А то сейчас милицию позову!

– Ишь ты, обиделась, – совершенно незлобиво бормотнул он и осклабился в некоем подобии улыбки. – Ты подожди кипятиться. Я тебе за тачку две штуки дам.

– Хоть восемь! Убирайся! – не сдавалась Настя.

– Ведешь себя прямо по-детски, – удивленно произнес он и, внимательно к ней приглядевшись, спросил: – Учительница, что ли?

– А если и так, то что?! – От нетерпения она начала подергивать правой ногой. – Оскорблять можно?!

– Ну тогда другое дело... – Он вылез из машины и, взяв руку упиравшейся Настены, поднес ее к своим губам со словами: – Иван... Иван Мельников. Думаю, нам есть что обсудить...

Глава 7

– И что же в процессе обсуждения тебе не понравилось? – Антон мрачными, как потемневшее небо, глазами смотрел на девушку.

– То есть?

– Чем он так тебя разозлил, что ты решила его кокнуть?

– Да как ты смеешь?! – Слезы опять обильно потекли из ее глаз. – Он дал мне задаток в пятьсот долларов. Сказал, что машину заберет через день, и велел прийти вечером в ресторан «Лотос» за остальными деньгами.

– И ты, как последняя идиотка, потащилась? – не удержавшись от сарказма поинтересовался Антон.

– Я пошла, а не потащилась! – всхлипнула Настя. – Он отдал мне оставшуюся часть денег, то есть полторы тысячи долларов. Мы поужинали, болтая ни о чем. Потом попрощались. Я поехала домой. Прихожу, а тут такое...

– Где еще шарахалась? – спросил он и, видя ее недоуменный взгляд, пояснил: – Он должен был успеть за время твоего пути приехать к тебе домой, открыть квартиру, издохнуть в кресле. Это минимум полчаса...

– Я?! Ах да! Я заезжала на старую квартиру...

– По супругу соскучилась? – продолжал язвить Антон.

– Нет... В бумагах на машину не хватало одной подписи этой стервозины. То ли она специально ее опустила, то ли неумышленно. Представляешь, встретила меня как родную. Если бы не знала ее, подумала бы, что она действительно рада меня видеть. Маргарита поставила недостающую каракулю, предложила чаю (я отказалась) и проводила меня до дверей. Вместе с дорогой, думаю, полчаса прошло. Кстати, а почему ты решил, что он умер в моем кресле?

– А где? – Он встал с дивана и приблизился к покойнику. – Хотя тебе виднее... Ни крови. Ни раны единой. Наверняка отравление. Чего в ресторане Ваньке подсунула? Стрихнину или еще какой гадости?

– Перестань, прошу тебя!!! – взмолилась Настя, сложив молитвенно руки перед грудью. – Помоги мне, Антон!!! Пожалуйста!!! Я не знаю, что мне делать!!! Меня же посадят за него! Часов через десять он начнет разлагаться, начнет дурно пахнуть, соседи милицию вызовут... Господи, что мне делать?!

Колени ее подломились, и Настя осела на пол. Перспектива оказаться в одной камере с настоящими убийцами и грабителями окончательно лишила ее воли и способности рассуждать здраво. Пустыми, ничего не замечающими вокруг глазами она буравила поверхность пола, покрытого новым ворсистым ковром, не в силах вымолвить того, что вдруг отчаянно запросилось ей на язык.

– Что с тобой? – по-настоящему обеспокоился Антон, увидев, как она, тыча пальцем в пол, пытается что-то сказать. – Эй, да ты не рехнулась ли часом?!

– Он не пришел сюда сам! – просипела она, наконец. – Посмотри сюда быстрее! Вот отчетливый след на ковре... Его тащили сюда волоком...

Все еще не веря ей, Антон присел на корточки рядом с Настей и проследил за ее пальцем. На ковре, будто прочерченные, виднелись две полосы заглаженного в другом направлении ворса. Начинались они у самой кромки ковра у входа в комнату и тянулись, не пересекаясь, прямым до кресла.

– Будь я проклят... – прошептал Антон и заметно побледнел. – Ну почему ты?! Хотя почему и нет...

– Что?! – Она подняла на него обезумевшие от пережитого ужаса глаза.

– Тут, Настасья, такое дело... – впервые назвал он ее по имени. – Нужно этого братана куда-нибудь девать. Иначе тебя не менты, а его дружки задавят. Поможешь мне?..

Еще бы! Отчаянно замотав головой в знак согласия, она безропотно позволила одеть себя в джинсы и спортивную кофточку и замерла у входной двери, поджидая, пока Антон проводит свою ночную гостью, сверх всякой меры обидевшуюся на своего неучтливового кавалера.

О том, как они потом упаковывали труп в мешок и тащили через лестницу черного хода на улицу, Настена еще долго не могла вспоминать без содрогания. Не впасть в кому ей помогли скабрзные издевки Антона, которыми он ее «прибодрял» все время пути, да изрядная доза спиртного, вылитого им ей в рот почти насильственным способом.

Свою машину Атаманов подогнал загодя, поэтому заложить упакованное тело в раскрытый багажник не составило ему большого труда. Миновав все посты полусонных к тому часу гибэдэдэшников, они выехали за город и помчались по шоссе.

– Куда мы едем? – заплетающимся языком поинтересовалась Настена, стараясь не думать о трупе, скрюченном в багажнике.

Антон не отвечал. Насупленно хмуря брови, как это делал бы его голливудский двойник, он время от времени кидал на нее загадочные взгляды, не опускаясь до объяснений. Она особенно не настаивала. На сотом километре пути ее неожиданно сморил сон. Настена уткнулась подбородком в грудь и сладко засопела. Сколько времени длилось ее блаженное забытье, она не знала, но когда глаза ее открылись, на улице уже светало.

Атаманов мирно посапывал на разложенном водительском сиденье, запрокинув руки за голову.

Настя осторожно заворочалась на своем месте и, развернувшись вполоборота, принялась разглядывать спящего.

Боже! Он был самым прекрасным мужчиной на земле! Пусть по общепринятым канонам красоты внешность его тянула на тройку с плюсом, но для нее-то он был самым-самым.

Вон покойничек, то бишь Иван Мельников, красоты был редчайшей. Обаяния судьба ему от щедрот своих отсыпала вдоволь. Но, ужиная с ним в ресторане, Настена с удивлением замечала, что чары его над ней не властны. Пусть от скуки и обещала встретиться с ним еще раз...

«Вот и встретишься!..» – усовестило ее откуда-то изнутри.

Вспомнив о событиях минувшей ночи, Настена заметно поскучилась. Атаманов спит себе как ни в чем не бывало, а Ванька в багажнике разлагается.

Стараясь производить как можно меньше шума, девушка выбралась из машины и огляделась. Странное место и немного жутковатое. Слева отработанный карьер, склоны которого поросли полынью. Справа болото не болото, жижа какая-то, подернутая темноватой слизью. Туда, что ли, местного авторитета собрался спроваживать ее предприимчивый сосед? Так пора бы уже, пока из мешка не потекло. От перспективы вновь браться за углы мешка, в котором находился труп, Настю едва не стошнило. Она обошла машину, открыла багажник и замерла с открытым ртом. Там было пусто. То есть не совсем пусто, конечно. Валялась какая-то ветошь, запаска, домкрат, но трупа не было.

«Слава тебе, господи!» – едва не вырвалось у нее облегченное, но, завидев выползающего на свет божий соседа, она язычок прикусила. Нечего особенно радостью светиться. И так обязана ему сверх всякой меры, а ежели начать петь его благородству дифирамбы, то он, пожалуй, возгордится. Поэтому все, на что ее хватило, – это буркнуть почти приветливо:

– Спасибо...

– На здоровье, – хмыкнул он и, знакомо прищурившись, насмешливо поинтересовался: – И это все?

– А что ты хочешь? – растерялась Настя.

– Надо бы подумать... – Он прищелкнул языком и почесал в затылке. – Сразу как-то даже и не получается... Ладно, походи пока в моих должниках.

Вздых облегчения она старательно припрятала глубоко внутри. Очень не хотелось ей на данном этапе их отношений никаких сложностей. Если что-то и будет, то пусть будет потом. Пусть будет не так и не в таком месте...

– О чем мечтаешь? – вклинился в рой ее романтических грез его вкрадчивый голос. – О том, как долг мне будешь возвращать?

– Ага, – попыталась она ответить ему взаимностью. – Да вот не знаю, где взять еще один труп, чтобы оттащить его тебе на квартиру...

– Идиотка... – печально констатировал он после недолгого молчания. – Я всегда это знал. Ладно, поехали...

Глава 8

Обратная дорога заняла у них чуть более двух часов, поэтому, вернувшись в город, они сразу попали в огромный поток автомобилей. Сотни машин изрыгали смрад, синеватым смогом повисший над городом. Невзирая на раннее утро, духотища стояла нещадная.

– Опять жара будет, – злясь непонятно на кого, пробормотал Антон, умело вклиниваясь между расхристанным «жигуленком» и надсадно гудевшим длинномером. – Что дальше-то будешь делать, а, училка?

– А что? – растерялась Настя. – Надо еще что – то делать?

– Вот народ, а!!! – мотнул он озадаченно головой. – Ты что же думаешь, что если труп Ваньки смогла сплавить, то все – проблемы кончились сами собой? Нет, милочка. Они, я думаю, только начинаются...

– Надо что-то делать... – Настя затеребила пуговицу на джинсах. – В милицию нельзя, арестуют сразу и разбираться не станут. Надо как-то самим...

– Не самим, а самой! – откорректировал ее ответ Антон и, заметив просвет справа, быстро юркнул в пустынный переулок. – Я умываю руки, дорогуша. Расхлебывай эту кашу сама.

– А как?

– Откуда же я знаю?! Кому-то понадобилось его тебе подбросить. Значит, этот некто имел определенную цель. Кому дорогу перешла в их нелегком бизнесе, а, куколка? Может, ученичкам травку потихоньку сбываешь? Или детской порнографией занимаешься? А может, сектантов вербуешь? Так ты признайся как на духу, полегче будет...

Ответить Насте было нечего. Решив поначалу, что с исчезновением трупа из ее квартиры сами собой исчезнут проблемы, возникшие с его появлением, она поняла, насколько сильно заблуждалась. Антон был прав на все сто, говоря, что настоящие проблемы еще впереди. Кто-то сильный и опасный дышит ей в затылок. Тот, кому доподлинно было известно о внезапно возникшем интересе Мельникова к ее скромной персоне. Тот, кто знал о столике на двоих. Тот, в конце концов, для кого не был секретом ее домашний адрес. И что самое главное – дверь... Только сейчас она вспомнила, что дверь была аккуратно заперта на оба замка: верхний и нижний, так, как это обычно делала она, уходя из дома.

– Что с тобой? – поинтересовался Антон, заметив, как она сильно побледнела.

– Дверь... – Настя с тоскливым предчувствием посмотрела на соседа. – Дверь была заперта на оба замка...

– А-а-а, – он с пониманием кивнул, – не волнуйся так сильно по этому поводу. В свите Ваньки такие спецы, что сейфы за пять минут вскрывают, а ты о двери лопочешь.

Разговор временно прервался, поскольку они подкатили к своему подъезду, и возобновился уже в лифте.

– Домой идти боюсь, – жалобно пискнула Настя и с робкой надеждой посмотрела на Антона. – Что делать-то?..

– Хм! – произнес он более чем возмущенно и, вывалившись из кабины лифта, повелительно подтолкнул ее к двери за номером семьдесят шесть. – Иди уж, ненавязчивая ты моя...

Послушно перешагнув порог его квартиры, Настя дождалась, пока хозяин закроет дверь, и лишь тогда пошла следом за ним в комнату. Увиденное ее потрясло. Это надо же какие хоромы скрывает за собой обшарпанная фанерная дверь! Черная кожаная мебель, белые стены, темные портьеры, великолепно вписывающиеся в интерьер гостиной. И всюду хром, черное стекло и гравюры.

– Ничего себе! – не без восхищения удивленно произнесла девушка. – Чем же ты промышляешь, если не секрет?

– Учительствую, как и ты, – спокойно отреагировал на ее вопрос Антон и, видя ее недоумение, пояснил: – В спортивной школе, тренер по тяжелой атлетике...

– А-а-а, понятно... – кивнула она, хотя понятно ей ничего не было. Пусть оклад у него был в две тысячи. Пусть за квалификацию и мастерство что-то там набегало. Но позволить себе такое мог учитель, труд которого оплачивался двумя тысячами долларов, а не рублей, а таких возможностей городские власти не имели. Во всяком случае, в их городе – точно.

– Проходи, коллега, – подтолкнул ее в спину Антон. – Там дальше спальная комната. Сюда налево – кухня, если захочешь перекусить. Если ванну принять – то это сюда...

Послушной овцой Настя проследовала за ним в ванную, ожидая увидеть такую же, как у нее, клеть размером два на полтора, но комната, на пороге которой они остановились, была раза в два больше. Стены под мрамор. Черный зеркальный потолок. Овальный мини-бассейн, назвать который ванной просто язык не поворачивался, и горы пушистых ярких полотенец и халатов.

– Слушай, да ты шикарно живешь! – вновь не удержалась она от возгласа. – Поделись секретом... коллега.

– Сумел отыскать золотую жилу, – ушел Антон от ответа и, обеспокоенно поглядев на часы, добавил: – Мне нужно сейчас в одно место слетать по-быстрому. Ты тут осваивайся, но хочу предупредить – не смей пустить здесь корни. Я – закоренелый холостяк, и уж если суждено будет когда-нибудь жениться, то не в пример тебе – не на первой встречной.

Попередушив разом все ее добрые чувства по отношению к себе, хозяин квартиры легонько щелкнул ее по носу и исчез в неизвестном направлении. Она, не торопясь, приняла ванну, со злорадной жадностью вылив в воду больше половины флакона какой-то французской пенки. Поблуждала по квартире, тщательно оглядывая каждый ее угол. И, усевшись на кухне на высокий крутящийся стул возле стойки, очевидно имитирующей стойку бара, принялась поглощать съестные запасы ехидного Атаманова.

Поживиться здесь было чем. Сплошь вакуумные упаковки с дорогой рыбной нарезкой, ранее ею никогда не пробованной. Две огромные емкости (консервными назвать литровые банки было затруднительно) черной и красной икры. Две коробки с пирожными и куча салатиков и соусов в красивых бутылочках и баночках.

Отыскав вмонтированный бар, Настя остановила свой выбор на безалкогольном пиве и, запивая яства горьковатым напитком, предалась размышлениям.

Подумать было над чем.

Зачем, к примеру, Антону бутафорская фанерная дверь, если из квартиры она поражала массивностью запоров и толщина ее явно указывала на то, что металл в ее начинке присутствует. Воров не хочет привлекать? Так они и так все отмычки поломают о хитроумные замки. Настена кое-что в этом смыслила, вдоволь наслушавшись в дни каникул от заумного дядюшки баек о замысловатости некоторых узлов и деталей в замках...

Гардероб премудрого соседа также поражал отсутствием элегантности и аккуратности. Стоптаные кроссовки, Насте даже показалось однажды, что под ними нет носков. Полуислевшие джинсы, готовые вот-вот выпустить на волю коленные чашечки. Какие-то нелепые футболки, то с неимоверно растянувшейся горловиной, то с оторванными рукавами и махрящимся низом.

Спрашивается – почему и зачем? Зачем ходить последним оборванцем, имея столь явное финансовое благополучие? Почему не купить приличную машину, вместо того чтобы раскатывать по городу на проржавевшей «Мазде»? Или кожаная мебель за пять тысяч долларов съела весь золотой фонд?..

Ответ напрашивался сам собой – Антон Атаманов совсем не тот человек, которого усиленно из себя корчит. Ну не может человек с такими музыкальными пальцами, державший в дальнем углу своей спальни дорожное фортепиано, быть тренером по тяжелой атлетике.

Повидала их Настена на своем веку, учась в пединституте. Отключенные ягодички, столбообразные шеи, не прижимающиеся к туловищу накаченные мускулатурой руки. А чего стоила их походка! Тяжелая поступь с какой-то матросской раскачкой. Одним словом, робот, а не человек. Атаманов же был совершенно другим. Нельзя было отрицать того, что тело его состояло сплошь из мышц, как и того, что силой он обладал недюжинной (Настена лишь удивленно охала, наблюдая, как Антон легко справляется с трупом Мельникова, а тот был настоящим верзилой). Но он не был ни тяжеловесным, ни неповоротливым, при всей своей силе Антон был гибким и даже грациозным. Подобной грацией обладали, наверное, непобедимые ниндзя, все сокрушающие на своем пути...

Чувствуя, что мысли ее вновь приняли неподозволенное направление, увлекая ее все дальше в дебри кинематографических фантазий, Настена с силой грохнула о стойку пустую бутылку из-под пива и решительно произнесла:

– Он врёт!

Вернувшись в комнату, она вооружилась простым карандашом и чистым листом бумаги, найденными в одном из отсеков корпусной дубовой мебели спальни, уселась на пол и принялась заносить строго по пунктам особо волнующие ее моменты. Имела она в своем арсенале подобную привычку: все разбить на пункты, затем озаглавить каждый, попытаться свести их воедино, чтобы получить общую картину, и затем не без удовлетворения сделать оценку всему изложенному. Правда, до сего времени она занималась этим в основном на литературном поприще, балуясь время от времени мелкими статейками в молодежные журналы да ведя кружок романистов-любителей при школе. Сейчас же ей приходилось анализировать отнюдь не выдуманный сюжет...

– Они ошиблись! – радостно выпалила она вернувшемуся Антону. – Я все поняла!

– Что ты поняла? – Он устало опустил на дорожный диван и запрокинул ноги в пыльной обуви на кожаный подлокотник.

– Мельникова должны были затащить в квартиру к тебе, а не ко мне! – Настя взволнованно заходила по комнате. – Я не знаю зачем. Очевидно, ты, а не я, кому-то перешел дорожку (я в твои бредни о тренерстве не верю ни минуты). А может быть, вы оба кому-то мешали. Одним выстрелом, возможно, хотели убить двух зайцев. Мельников убит, ты – нейтрализован... А двери перепутали просто-напросто. Моя новее выглядит, ручка и номерной знак впечатляют. А на твоей номер мелом написан. Кому же в голову придет, что такой крутой парень, как ты, живет в такой халупе...

– Да какому-нибудь дураку вроде тебя, – вяло перебил ее Атаманов, не разделяя ее энтузиазма. – На убийство такого большого парня, как Ванька, дилетантов не посылают. Они знают наверняка, куда и за что...

– Да?.. – Настя поникла минут на несколько, но вдруг вновь вдохновенно вскрикнула: – Слушай! А что, если твою дверь не открыли – замки-то у тебя похлеще, чем в швейцарских банках. Тут их кто-то спугнул, они и пристроили его за моей дверью, благо открыть ее особого труда не составляет.

– А почему бы его просто на лестничной клетке не бросить, если их или его кто-то спугнул? – гримасничая, передразнил он ее вдохновенную манеру придумывать версии. – Зачем корячиться и открывать дверь? А вдруг там хозяйка дома? Что тогда? Еще один труп? Не-ет, дорогуша, если бы все да так-то просто...

В гостиной повисла тягостная тишина. Настя села на краешек кресла и принялась сосредоточенно крошить свои тезисы на мелкие клочки, не забывая исподлобья сверлить Атаманова взглядом.

Поразительно! Этому бы человеку да двойником выступить, ну настолько похож на голливудскую знаменитость! Даже согнутую в локте руку уложил на лоб под таким же точно

углом. И этот его хитровато-мрачноватый прищур. А уголок губ, насмешливо уползающий в сторону...

– Слушай, – не выдержала она затянувшейся паузы и ни с того ни с сего вдруг брякнула: – А у тебя в Америке родственников нет?

– Да иди ты! – рассердился он внезапно и, вскочив с дивана, полез в барсетку, оставленную им на зеркальном столике. – Короче, едешь в санаторий загородный. Вот путевка. Живешь там недели две-три. Вообще-то путевка на двадцать четыре дня, можешь весь срок отбыть. Сидишь тихо. Ведешь себя скромно, не привлекая внимания. Короткие юбки, обтягивающие штаны, декольте и прочие будоражащие кобелиное племя тряпки оставь дома. С собой – бесформенное тряпье, лучше мышинного цвета. На голову что-нибудь тебе нужно.

– Паранджу можно выписать из Пакистана... – потихоньку начала стервенеть от его бесцеремонности Настя.

– Понадобится, в мешок тебя зашью! – рявкнул Антон и, подскочив к ней, запустил пальцы в ее волосы. – Тебя же по этим твоим куделькам да по коленкам голым моментально вычислят, идиотка!

Вообще-то крупные кольца ее волос пшеничного цвета еще никто не называл кудельками, но не это сейчас было главное. Он держал ее лицо в своих руках! Господи! Да пару дней назад ей об этом даже мечтать не приходилось, а тут такое... Глаза, губы его совсем рядом. Щеки, оттененные проклюнувшейся щетиной. Смуглая шея, плечи. Стоило немного поднять руку и можно было бы дотронуться до него. Ощутить кончиками пальцев бархатистость его кожи. Пока же приходилось довольствоваться лишь запахом, и он Настену насторожил мгновенно. От Антона определенно пахло женскими духами. Она не помнила их точного названия, но ими пользовалась их математичка. Распространяя обволакивающе сладковатый запах по учительской, она картавила что-то о Париже и любовнике, снабжавшем ее этим изыском прямо из знаменитой парфюмерной столицы мира...

Теперь Насте стало совершенно понятно, зачем Антону понадобилось сбывать ее с рук. Та рыженькая, очевидно, успела сегодня во весь голос заявить о своих правах на загадочного парня. Ишь ведь, каким усталым он выглядит...

– Хорошо, – обреченно выдохнула Настя, высвобождаясь из его цепких пальцев. – Я уеду, если ты видишь в этом необходимость...

Удивительно, но такая покорность Атаманова обескуражила. Он заметался по комнате, попутно выплескивая из себя информацию, якобы добытую за время его отсутствия...

Иван Мельников, по паспорту – Сильянов, обзавелся таким псевдонимом в силу своей деятельности, а именно: он имел мукомольный комбинат, пару элеваторов и полностью контролировал поставку и сбыт зерна в области. С властями жил дружно. Налоговые органы ему благоволили. Милиция особенных претензий не имела. Одним словом, легализация его первоначально полуподпольного бизнеса прошла почти безболезненно. Но, как известно, у медали две стороны. Не обошлось без сложностей и в благородном бизнесе Мельникова, для друзей же просто Мельника. К концу десятилетия его безраздельного властвования он вдруг почувствовал, что зерновые культуры, являющиеся основным источником его доходов, начали тонкими ручейками уплывать на сторону. Попытался выловить кидал, но те оказались хитрее и изворотливее его ребят. Ванька кинулся было за помощью к властям, но те только руками развели: мол, управляйся, дорогой, сам. Достаточно того, что и так глаза полуприкрыты на многое.

Управишься тут, как же! Это не в городе порядки править, где все как на ладони. Это целая область размером с Германию. Людей катастрофически не хватает, а в уборочную страду приходится даже своих телохранителей за руль сажать. Подумал тут Ванька, подумал да и махнул на все рукой, с чисто русской бесшабашностью рассудив, что воры рано или поздно попадутся, не зря же говорят, что «жадность фраера сгубила». Но воры не попались, а с началом нового золотоносного сезона обнаглели окончательно, уводя у него из-под носа тонну за тон-

ной. Тогда хозяин решил проехаться по вотчинам самолично и приструнить неблагонадежных колхозников. Но те только руками разводили: им-то, мол, что за беда, это совсем не их проблема. Кто успел, тот и съел.

– Чудные вы все же, крестьянские дети!!! – рывкнул тут Ванька и обматерил их в сердцах с истинно русским размахом.

Вернувшись, он созвал совет вассалов, и после недолгих обсуждений было решено разборки оставить на межсезонье. Сейчас же, когда каждая пара рук на счету, использовать эти руки для стрельбы и прочих трепыханий значило гадить себе же в карман. Сельское хозяйство хоть и прибыльное дело, но одновременно и деликатное. Никаких отсрочек и отлагательств не терпит.

– С началом зимы мы этих козлов отловим и прижмем. Всех уложим! Пощады пусть не ждут! – скрипел в бессильной ярости зубами Мельник.

Но его и тут опередили...

– Вопрос! – Настена задумчиво уставилась на одну из гравюр над головой Антона. – Как все это связать со мной? Сельским хозяйством не увлекаюсь. Более того, с трудом могу отличить пшеницу от ржи. Может быть, это какая-нибудь обиженная воздыхательница?..

– Кстати, вполне возможно. – Антон обрадованно хмыкнул и начал суетливо метаться по гостиной. – Вокруг него постоянно бабы крутились...

– О! Не он один этим славен! – не удержалась от колкости Настя.

– Да нет, не то совсем. Он, как бы это сказать... Мельник был в этом отношении человеком крайностей. То старуху какую-нибудь снимет. То почти ребенка. То чей-нибудь супруг сопли по лицу размазывает, то хозяин борделя шлюху свою разыскивает в его постели. А тут, видишь, на учительницу запал... – Атаманов задумался ненадолго, повздыхал раз несколько, затем продолжил: – Может, ты и права, и в этом деле действительно нужно искать бабу... Ладно, разберемся со временем. А сейчас тебе нужно собраться в кратчайшие сроки и уезжать подобра-поздорову.

– А что дальше?

– А дальше – время покажет... – философски изрек ее сосед. – Будем ждать...

Глава 9

Ожидание – дело малоприятное даже для людей уравновешенных, а уж коли тебе изменила выдержка да на пятки насаждает свора жаждущих возмездия головорезов, то оно способно превратить жизнь в настоящую пытку.

К концу третьего дня своего пребывания в загородном санатории Настя начала потихоньку подозревать, что у нее началось тихое помешательство. Если первые два дня в состоянии ужаса ее приводили любые громкие звуки, то бишь уроненный кем-то в коридоре стул или выпавший из чьих-то рук в столовой поднос с тарелками, то третий день ознаменовал себя тем, что она едва не завизжала от звука тараканьих бегов под вздувшимися обоями ее комнатенки.

Обхватив голову обеими руками, Настя села на кровати и настороженно прислушалась. Шорох, поначалу так испугавший ее, потихоньку затих, и вязкая тишина вновь накрыла ее с головой. Тишина в этом местечке была действительно угнетающей. Иногда ей казалось, что именно в этом пугающем умерщвлении всех звуков и кроется для нее истинная опасность. Опасность сумасшествия...

Местечко, куда спровадил ее предприимчивый сосед, особой комфортабельностью не отличалось. Двухэтажное здание из серого кирпича с двумя торцовыми пожарными лестницами. Парковая зона, занимающая не более гектара. Полустгнившие скамейки под древними деревьями. Запущенный грязный фонтан, сикающий тонкой струйкой зеленоватой речной воды. Одним словом, пейзаж унылее придумать бы, да невозможно. Единственное, что утешило Настю по приезде, вернее, чем она себя усиленно пыталась утешить, так это полное отсутствие лиц мужского пола, поскольку весь контингент отдыхающих состоял из дам почтенного возраста и дам, этот самый почтенный возраст покинувших лет двадцать назад. Они шаркали с утра до ночи по узким парковым аллеям и неспешно плели кружево городских и санаторных сплетен.

– Вы знаете, дорогая, – склонился к ней за обеденным столом один из этих божьих одуванчиков в первый же ужин, – мы все без исключения поставили на то, что вас бросил муж! Не разочаруйте нас в нашем мнении...

Настя жалко улыбнулась и согласно кивнула головой. Кем же ее с такими внешними данными можно было представить еще, как не брошенной женой...

Над последними она поработала основательно, к тому же к изменению внешности ее обязывал выданный Антоновым паспорт, с фотографии которого на нее смотрела унылая серая физиономия. Настя купила тоник для волос жуткого мышиноного цвета и вязкий фиксирующий гель. Без особых усилий ее кудри приобрели вид не мытых недели три волос. Старенький спортивный костюмчик, переживший в годы студенчества не один сезон спортивных лагерей, да скромненькие шлепанцы на пробковой подошве завершали эту безрадостную картину.

– Не стоит так расстраиваться! – попыталась утешить ее дама. – Мы все здесь, если можно так выразиться, брошенные. Кто мужем, кто детьми, кто любовниками. Ох уж эти мужчины! Вероломные, гадкие и в конечном итоге страдающие от собственной глупости...

– Возможно, – выдавила Настя, потому что обязана была что-то ответить перезревшей матроне, уставившейся на нее вопрошающим взглядом.

– Да, – удовлетворенная поддержкой соседки по столу, кивнула та головой, выкрашенной в яркий цвет бургундского. – Вы не слышали, что случилось с одним из них на днях? И опять из-за женщины!!!

– Нет. – Настя вяло жевала кусок жилистой говядины, которую, без сомнения, поспешили вынуть из кастрюли.

– Ну как же!!! – Дама осуждающе поджала губы. – Вы, милочка, не должны замыкаться в своем горе! Об этом же говорит весь город!

– И о чем же? – Что-то вдруг подсказало Насте, что эта новость не станет для нее открытием.

– Пропал известный городской авторитет! И поговаривают, что он погиб... от руки любимой женщины! – таинственно мерцая глазами, произнесла нараспев сплетница.

Настя все же подавилась куском непроваренного мяса. Она закашлялась, щеки ее покраснели, а из глаз брызнули слезы. Соседка всполошилась, принялась стучать сухоньким кулачком ей по спине, не забывая корить местных поваров. Связать это мелкое происшествие с сообщенной ею сенсационной новостью ей просто не пришло в голову. Как никогда взор покойного Мельника не упал бы на серого мышонка, в которого без особого труда превратила себя Настена.

Поблагодарив за участие и усердие Лидию Матвеевну, так звали даму, Настя поспешила укрыться в своем номере. Та, сочувственно посмотрев вслед улепетывающей девушке, молвила:

– Как тяжело бывает нам, женщинам, как тяжело...

Неизвестно, какой смысл вложила она в это философское обобщение, но Насте сделалось по-настоящему худо. Она кружила загнанным зверем по крохотной комнатухе и изо всех сил старалась не зареветь от отчаяния.

Это что же получается?! Они вывезли труп из квартиры, тщательно убрали все следы его пребывания там, затем она бежала из города, совершенно искренне уверовав, что время все расставит по своим местам, а ее отъезд ему в этом поможет... А на деле?! А на деле оказалось, что фантом опасности и не думал испаряться. Как раз наоборот – с каждым днем он приобретал все более зримые очертания – сначала вид сплетен и пересудов, а затем... Что последует затем, она пока не знала, но была уверена, что это будет нечто отвратительное.

Промозглое утро четвертого дня «отдыха» ее в этом не разубедило, преподнеся сюрприз совсем не лучшего свойства – в этот занюханый санаторий явилась компания молодых крикливых людей.

Они приехали на трех джипах, мгновенно огласив мертвецкую тишину здешних мест истошными визгами магнитофонов и капризными возгласами девиц.

Компания состояла из пятерых парней и трех девушек. Почему они появились в этом забытом богом месте, для всех остальных отдыхающих оставалось загадкой. Для всех, но не для Насти.

Стоило ей столкнуться нос к носу с некоторыми представителями этого шумного контингента и услышать обрывок разговора двух девушек, как желание пойти и сдать местным органам власти разрослось в ней до зуда под коленками. Пусть лучше на ее запястьях защелкнут браслеты наручников, чем пальцы жаждущих возмездия рук сомкнутся на шее.

Их пустой треп о поисках пропавшей училки едва не опрокинул ее навзничь. О ментах, пробороздивших весь город и теперь пытающихся раскинуть сети по району, было сказано как-то вскользь. О братве, назначившей награду за голову предполагаемой убийцы, – с довольным полусмешком. Девушки неторопливо продефилировали на длинных загорелых ногах мимо сидящей на скамейке Насти, мимоходом обсуждая подробности исчезновения Мельника.

– Говорят, она жуткая рыжая стерва, – нараспев протянула одна из них. – Едва не сжила со света бедную свекровь...

Как вам это?! Настя еле удержалась от возмущенного фыркания, но следующая фраза буквально пригвоздила ее к скамейке.

– Филон сказал, что вырежет ей все внутренности за Мельника. И он почти уверен, что она подставная... Их кто-то так уверенно кидал все последнее время. Вот и нам из-за этого пришлось по-скорому сматываться на недельку-другую, чтобы переждать, пока все стихнет, а то попадешь под общую раздачу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.